

ИВАН СВИСТУНОВ

ИЗ БОЯ В БОЙ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ИВАН СВИСТУНОВ

ИЗ БОЯ В БОЙ

Москва · Издательство политической литературы · 1979

63.3(2)722
С24

С $\frac{10604-120}{079(02)-79}$ БЗ—13—34—1979 0505030202

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

«Имя Маршала Советского Союза Рокоссовского широко известно во всем мире. Это один из выдающихся полководцев наших Вооруженных Сил...

Уже в летние месяцы 1941 года имя Константина Константиновича часто упоминалось в сообщениях фронтовой и центральной печати. Войска, которыми он командовал в жесточайших сражениях за Москву, блестяще решали поставленные перед ними задачи... Донской фронт, руководимый Рокоссовским, не только выстоял на вверенных ему рубежах, но и отлично выполнял вместе с другими фронтами историческую операцию по окружению гитлеровских войск в районе Нижней Волги, а затем по уничтожению и пленению остатков группы Паулюса. Командуя затем рядом фронтов, причем всегда на весьма ответственных направлениях, Константин Константинович своим упорным трудом, большими знаниями, мужеством, храбростью, огромной работоспособностью и неизменной заботой о подчиненных снискал себе исключительное уважение и горячую любовь. Я счастлив, что имел возможность на протяжении Великой Отечественной войны быть свидетелем полководческого таланта Константина Константиновича, его завидного во всех случаях спокойствия, умения найти мудрое решение самого

сложного вопроса. Я многократно наблюдал, как войска под управлением Рокоссовского жестоко били врага, порою в невероятно трудных для них условиях».

Дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза А. М. ВАСИЛЕВСКИЙ

«С именем Рокоссовского, как известно, связано много славных, выдающихся побед наших войск в годы Великой Отечественной войны. Именно тогда с необыкновенной силой проявились военное дарование и полководческий талант Рокоссовского, удивительно простого, скромного, бесконечно любящего людей военачальника...

Я твердо знаю, что каждый, кому, как и мне, довелось работать с ним, на всю жизнь проникся к нему глубочайшим уважением... научился у него многому хорошему...

Мы не раз имели возможность убедиться, что наш командующий — личность незаурядная. В тяжелые для Родины месяцы К. К. Рокоссовский не раз попадал в весьма критическое положение и должен был принимать решения в крайне запутанной обстановке. И каждый раз мы имели возможность убедиться, как хладнокровен и невозмутим этот человек. Его самообладание вызывало изумление. Эти его качества благотворно влияли на всех работников штаба, создавая атмосферу уверенности, внося четкость и организованность в его боевую деятельность, в руководство войсками. Это же передавалось по каким-то невидимым нитям подчиненным. В его присутствии никак невозможно было проявить признаки беспокойства или, что еще хуже, растерянности.

Константин Константинович обладал и другими драгоценными качествами, которые имели огромное влияние на окружающих и в постоянстве которых мы неоднократно убеждались. Он был необыкновенно прост и неподдельно скромен, чуток и справедлив».

Маршал артиллерии В. И. КАЗАКОВ

«Очень колоритна полководческая фигура Константина Константиновича Рокоссовского. На его долю выпала труднейшая роль в знаменитом Смоленском сражении 1941 года и в оборонительных боях на ближних подступах к Москве. Он командовал войсками Донского фронта под Сталинградом и блистательно завершил ликвидацию окруженной ударной группировки немецко-фашистских войск. Затем под командованием К. К. Рокоссовского войска Центрального фронта стойко выдержали немецкий таран на Курской дуге и в ходе последующего контрнаступления во взаимодействии с другими фронтами разгромили орловскую группировку противника. Он командовал 1-м Белорусским фронтом, действовавшим на главном направлении исторической Белорусской битвы. С его именем связаны победы в Восточно-Прусской, Восточно-Померанской и, наконец, в Берлинской операциях Великой Отечественной войны. Неотразимо личное обаяние Константина Константиновича. Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что его не только безгранично уважали, но и искренне любили все, кому довелось соприкасаться с ним по службе».

Генерал армии С. М. ШТЕМЕНКО

«Все мы, командармы, командиры и политработники, с полным основанием считали службу с Рокоссовским большой и хорошей школой...

Редкая личная храбрость, необыкновенное человеческое обаяние удачно сочетались в нем с творческим и трезвым умом, энергией, решительностью, требовательностью. Это был генерал нового, советского, большевистского, ленинского типа. Всю свою жизнь, каждый свой поступок он соизмерял с интересами Родины, народа, партии, ставя их на первый план».

Дважды Герой Советского Союза
генерал армии П. И. БАТОВ

Он был профессиональным военным. Защита Родины была его призванием, священным долгом всей его жизни. Своему благородному делу он отдавал всего себя: весь свой талант, все силы ума и души, весь жар своего большого сердца. Его уважали и высоко ценили начальники, его любили друзья, товарищи, подчиненные.

Он командовал дивизиями, армиями, фронтами. От сражения к сражению креп и мужал его полководческий талант, от боя к бою совершенствовалось его полководческое мастерство.

Он был прославленным советским полководцем, одним из героев Великой Отечественной войны. Он был Маршалом Советского Союза. Он был рядовым великой партии Ленина.

Во многих книгах и статьях, рассказывающих о подвигах Советских Вооруженных Сил, его имя по праву стоит в блистательном ряду воспитанных Коммунистической партией полководцев, олицетворяющих собой советскую школу военного искусства.

Его парадный мундир с золотом маршальских звезд, с сиянием боевых наград и фанфарные трубы, возвестившие о начале Парада Победы, которым он командовал, хранятся как реликвии в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Урна с его прахом навечно замурована в Кремлевской стене на Красной площади.

Но современники помнят его живым.

По их воспоминаниям, по тем вехам, которые сохранила и будет хранить История, написан этот рассказ о дважды Герое Советского Союза Константине Константиновиче Рокоссовском.

На рассвете 22 июня 1941 года в штабе 9-го механизированного корпуса, входившего в состав Киевского особого военного округа, приняли срочную телефонограмму из штаба армии:

«Вскрыть особый секретный оперативный пакет».

Подпись: замнач оперотдела штарма.

Командир корпуса генерал-майор Рокоссовский и все срочно собравшиеся в штабе офицеры хорошо знали, что вскрыть особый секретный пакет можно только по распоряжению Председателя Совета Народных Комиссаров СССР или народного комиссара обороны СССР.

Только!

А телефонограмму подписал заместитель начальника оперативного отдела штаба армии.

Было над чем призадуматься. Раздались справедливые деловые советы:

— Надо запросить Луцк!

— Запросить Киев!

— Запросить, наконец, Москву — дело серьезное...

Рокоссовский на минуту задумался. Он не сомневался: в секретном пакете — война. А раз война, то сегодня, сейчас дорог каждый час, каждая минута.

Начальник штаба корпуса доложил:

— Нет связи ни с Москвой, ни с Киевом, ни с Луцком. Все линии повреждены. Принимаются меры к восстановлению связи.

Командир корпуса посмотрел на стоявших вокруг него офицеров. Напряженные строгие лица. Они ждали, какое он примет решение в минуту ожидаемой тревоги...

Партия и народ возложили на него самую высокую ответственность: защищать родную землю. Значит, надо

действовать, а не ждать, пока восстановят связь и поступит подтверждение телефонограммы.

Рокоссовский вскрыл пакет.

Плотная бумага конверта в застывшей тишине разорвалась с оглушительным треском.

Как он и предполагал, в пакете был приказ о выступлении на боевые позиции:

«Немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно — Луцк — Ковель...»

Это была война. Война с фашистской Германией.

Рокоссовский посмотрел снова на офицеров штаба. Для многих из них это первая в жизни война, первое грозное испытание. Важно сразу же создать в штабе и во всем корпусе деловую обстановку, показать молодым офицерам пример выдержки, хладнокровия, деловитости. Спокойно, обычным тоном, словно начиналось привычное учение, приказал:

— Объявляю боевую тревогу. Командиров дивизий немедленно вызвать на мой НП. Войскам быть готовыми выступить сегодня в 14.00.

В точно установленное время, в установленном порядке, по указанным маршрутам соединения корпуса двинулись на запад, к границе, на войну.

Трудно на войне. Особенно трудно в ее начале, когда еще так свежа память о мирных днях, когда еще душа и тело не перестроились на военный лад. Трудно солдатам, начинающим свою первую войну, трудно командирам.

Трудно, может быть, труднее всех ему, командиру корпуса. Нет связи со штабом армии, нет связи со штабом округа. Неизвестна обстановка на границе: что там, как там? Неизвестно, что происходит справа и слева. Все вопросы надо решать самому, решать оперативно, сейчас же. На завтра не отложишь.

В первые сутки соединения корпуса сделали почти не-

**Дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза
Константин Константинович Рокоссовский.**

Лето 1941 года.
Западный фронт. Дивизионный комиссар
Д. А. Лестев, генерал-майор К. К. Рокоссовский,
батальонный комиссар Гуревич и полковник М. С. Малинин
обсуждают план предстоящей операции.

Декабрь 1941 года.
На Волоколамском направлении.
Генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский и генерал-майор
М. С. Малинин на командном пункте 16-й армии.

Ноябрь 1942 года.
Кольцо замкнулось: войска Сталинградского
и Донского фронтов соединились.

1943 год.
Сталинградская битва. На командном пункте
К. К. Рокоссовский и член Военного совета Донского фронта
К. Ф. Телегин.

Генерал-полковник К. К. Рокоссовский
беседует с делегацией,
привезшей на фронт подарки.
1943 год.

возможное — прошли 50 километров. В жару, с оружием и боеприпасами. Шли с одной мыслью: как можно скорее дойти до границы, вступить в бой с захватчиками, отбросить врага за пограничные столбы...

Нельзя сказать, что напряженный, тревожный маршбросок был для воинов корпуса неожиданным. Они готовились к нему, они готовились к возможным боям с фашистами...

Генерал Рокоссовский прибыл в Киев весной сорокового года. Войсками Киевского особого военного округа тогда командовал Георгий Константинович Жуков. Они встретились по-дружески: еще с 1924 года, с дней совместной учебы в Ленинграде на курсах усовершенствования кавалерийских командиров, связывало их глубокое уважение друг к другу, чувство дружбы, зародившееся в те давние дни. И Жуков искренне обрадовался, что в округ приехал Рокоссовский: еще за один корпус можно быть совершенно спокойным.

Рокоссовский тоже был рад. Он высоко ценил Жукова, его полководческий талант, энергию, твердую волю.

— Занимаемся боевой подготовкой,— рассказал Жуков.— Осваиваем тактический опыт, полученный во время вооруженного конфликта с Финляндией и в схватках на Халхин-Голе. Да и военные действия в Европе дают поучительный материал для размышлений. Так что сидеть без дела не придется.

Приняв корпус, Рокоссовский сразу же включился в работу. Рядом граница. За границей — сильный, коварный, хорошо вооруженный враг, уже имеющий опыт войны в Западной Европе. Надо готовиться. Кто знает, сколько еще есть в запасе времени?..

Чувствуя сложность обстановки, Рокоссовский работал с утроенной энергией. Прежде всего он решил хорошо изучить свои части. Рапорты, донесения, доклады дава-

ли широкое представление о положении дел, но они не могли заменить общение с людьми.

С подъема до отбоя он в войсках. Беседует с командирами и бойцами, проверяет боевую учебу, вникает во все вопросы, связанные с подготовкой командного состава. Рокоссовский проводит командно-штабные выходы в поле, военные игры на картах, полевые поездки по возможным маршрутам соединений корпуса...

Весной 1941 года из штаба округа пришло неожиданное распоряжение: выслать всю артиллерию корпуса на полигоны, находящиеся в приграничной полосе.

Он счел это мероприятие неоправданным: время напряженное, артиллерия должна находиться в корпусе.

Стал доказывать, убеждать. Заверил штаб округа, что все положенные упражнения артиллерия корпуса отрабатывает на месте. Артиллерию оставили в корпусе.

К его корпусу на случай мобилизации были приписаны автомашины, принадлежавшие гражданским организациям. Рокоссовский приказал проверить весь приписанный автопарк, предложил хозяйственникам привести его в полный порядок.

Особое внимание уделил обучению молодых танкистов: ведь корпус механизированный. Учились по железному правилу — в условиях, максимально приближенных к боевым.

Каждый день возникали новые вопросы, каждый день надо было принимать решения. Но повседневные дела и заботы не могли заслонить главное. А главным была война на Западе, война, которая приближалась к нашим границам. Нужно было разобраться в обстановке, глубже понять причины несомненных успехов гитлеровской армии, установить, что нового внесли в стратегию и тактику немецкие генералы.

Было ясно, что гитлеровцы особое внимание уделяют использованию танковых и моторизованных частей. Не-

даром по полям Польши и Франции лавиной шли их танки. Рокоссовский не сомневался, что, начав войну против СССР, они применят такую же тактику.

Большую роль в войне в Европе играла бомбардировочная авиация. Тревожила мысль: а как наша противовоздушная оборона, как наши истребители, наши зенитчики? Готовы ли отразить удар врага?

Внимательно изучая ход войны на Западе, Рокоссовский подметил один и тот же прием немецко-фашистских генералов: концентрация сил в один кулак, удары мощными клиньями, высокий темп наступления.

Еще одна характерная особенность была в их действиях. И эта особенность тревожила Рокоссовского. Внезапность! Скрытно подготовившись, собрав грозную группировку на намеченном главном направлении, усыпив и обманув бдительность противника, гитлеровцы неожиданно обрушивали на его позиции мощный удар.

Внезапность в руках противника — тоже оружие — оружие мощное, грозное, приносящее, как правило, в первый момент несомненный успех. Вот почему на первом плане у Рокоссовского была неусыпная бдительность, боевая готовность. Надо быть начеку! Он твердо знал: чем быстрее корпус будет приведен в боевую готовность, тем лучше выполнит он свой долг перед народом и партией....

И вот он наступил — суровый час проверки мужества и воинского мастерства.

Пройдя 200 километров, части корпуса 24 июня 1941 года с ходу вступили в бой. Гитлеровцы, не ожидавшие удара, попятились. Бойцы корпуса под командованием Рокоссовского оттеснили немецко-фашистские войска за Стырь, успешно атаковали их в районе Олыка. Были захвачены пленные и трофеи.

Так началась для Константина Константиновича Рокоссовского Великая Отечественная война.

Спустя два дня части корпуса нанесли еще один удар по врагу в направлении Дубно.

Эти бои на небольшом юго-западном участке огромного фронта были настолько успешными, что нельзя было не почувствовать: стратегия «молниеносной войны» против Советского Союза дала еще одну, пусть небольшую, но все же ощутимую трещину.

Непрерывные бои под Луцком и Новоград-Волынским продолжались. У врага было подавляющее преимущество в живой силе, танках, авиации. Корпус Рокоссовского нес потери и в людях, и в технике.

Но войны корпуса воевали умело и стойко. Они держали подвижную оборону. Вели упорные бои за каждый населенный пункт, за каждую высоту, за каждую переправу. Но главное, бойцы приобретали боевой опыт, учились и в обороне, и при вынужденных отходах бить ненавистного врага.

Скупое в первые дни войны отмечали наградами отличившихся воинов. Армия отступала. И все же генерал Константин Константинович Рокоссовский за умелое руководство боевыми действиями был награжден орденом Красного Знамени.

Четвертым!

Командиры соединений, полков, батальонов, красноармейцы в те тяжелые дни видели генерала Рокоссовского на переднем крае, там, где было особенно трудно, где решался успех боя. И это сдружило Константина Константиновича с бойцами и командирами. Они верили ему, верили его опыту, знаниям, его таланту военачальника.

Верил в своих подчиненных и генерал Рокоссовский. С гордостью сознавал он, что его окружают люди, на которых можно положиться. Особенно высоко он ценил добрые, дружеские отношения с командирами частей, их помощь и поддержку — одним словом, то, что называется «чувством локтя».

Нежданно-негаданно поступило распоряжение немедленно прибыть в Москву. Стало известно, что Рокоссовского предполагают назначить на более высокую командную должность.

Конечно, повышение, последовавшее в первый месяц войны, было высокой оценкой его умелых боевых действий, командирских способностей. Но ему не хотелось уезжать из корпуса. Уезжать от уже испытанных в нелегких боях друзей, от солдат, в стойкости и боевой зрелости которых он уже убедился. Было такое чувство, словно ему предстоит еще раз сызнова начать эту войну.

Но приказ есть приказ!

Обнимал товарищей, прощаясь. Жал руки. Улыбался, желал бодрости, боевых удач.

Прощался надолго, может быть навсегда: война! Боялся ненароком произнести слово «прощайте», повторял с верой и надеждой:

— До свидания, дорогие!

3

Была середина июля. Стояли жаркие, душные дни. Короткие, не приносящие прохлады ночи. По-военному строгой, суровой стала Москва. Мешки с песком в витринах магазинов на улице Горького, еще недавно таких ярких. Берущие за душу плакаты на стенах домов. Твердая поступь ополченцев, еще не успевших переодеться в красноармейскую форму.

Уличные репродукторы доносили тревожные слова: «...После упорных ожесточенных боев наши войска оставили город...»

В Ставке Верховного Командования Константину Константиновичу Рокоссовскому коротко обрисовали обста-

новку, сложившуюся на Западном фронте. Ожесточенные бои в районе Смоленска... Крупный вражеский десант под Ярцевом... Немцы рвутся к Вязьме...

Советское командование, чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению гитлеровцев в глубь страны, продолжало принимать меры по стабилизации фронта и усилению действующей армии. В районе Ярцево предполагалось создать сильную подвижную группу, которая могла бы вести активные боевые действия.

— Вы назначаетесь командующим группой.

В Генеральном штабе Рокоссовскому дали две автомашины со счетверенными пулеметами. Радиостанцию. Несколько офицеров.

— Немедленно выезжайте. Штаб фронта в Касне.

Через несколько часов командующий группой — будущей группой! — был в Касне. Командующий войсками Западного фронта Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко, рассказывая о положении на передовой, говорил своему старому знакомому и сослуживцу генералу Рокоссовскому:

— Фашисты пытаются рассечь наш фронт на несколько частей и открыть себе путь к Москве. Выезжай сегодня же в район Ярцева... Сколачивай группу... И вой! Вот так, дорогой!

Ясно понимал Константин Константинович Рокоссовский, какая угроза для Москвы, для всей нашей страны создалась на этом участке фронта.

Всмотревшись в озабоченное лицо Рокоссовского, Тимошенко со вздохом добавил:

— Когда подойдут регулярные подкрепления, дадим тебе две-три дивизии. А пока действуй по собственной инициативе.

Тимошенко и Рокоссовский были старыми солдатами, хорошо понимали, чего ждет от них Москва, Родина. Крепкое рукопожатие:

— Будь здоров, Константин Константинович! Желаю!

— Будь здоров, Семен Константинович!

Рокоссовский вышел из штаба, сел в машину, коротко приказал:

— В сторону Ярцева. На передовую.

Командующий группой генерал Рокоссовский и те несколько офицеров, которые составили его штаб, начали с самого необходимого — с создания группы. Собирали находившиеся вблизи части, подразделения, отряды — пехотинцев и артиллеристов, саперов и медиков, связистов и разведчиков... Собирали чудом бежавших из плена, вышедших из окружения, легкораненых, разыскивавших свои части. Собирали и подчиняли всех, кто способен взять в руки автомат или винтовку. Сколачивали новые подразделения и бросали в бой с наступающим противником.

Схватки были ожесточенные. Группа генерала Рокоссовского несла большие потери убитыми и ранеными. И все же она росла от боя к бою. Она вбирала в себя все новые роты, батальоны, полки... Становилась все крепче, сплоченней, боеспособней.

Начав свое нашествие на Советский Союз и рассчитывая на легкие победы, подобные тем, которые они одерживали на Западе, гитлеровские войска первое время воевали только днем. Ночью отдыхали.

Но недолго. Здесь, под Ярцевом, фашистам пришлось воевать и ночью. Правда, вначале и на этом участке фронта они добились значительных успехов: захватили город, форсировали Вопь, овладели плацдармом на ее восточном берегу. Начали продвигаться по шоссе в сторону Вязьмы.

Генерал Рокоссовский, взвесив все данные разведки, изучив местность, определив возможное направление ударов врага, понял, какую цель преследует гитлеровское командование. Враг попытается взять в кольцо наши войска, обороняющиеся в районе Смоленска. А потом выйдет на шоссе, ведущее в сторону Москвы.

И Рокоссовский принял энергичные контрмеры. На пути движения вражеских колонн он поставил артиллерийский противотанковый и гаубичный полки и приказал пехоте окопаться.

Наступавших гитлеровцев наши воины встретили сокрушительным огнем.

Не ожидавший такого отпора, враг стал стягивать в район Ярцева новые части, начал массированную бомбежку.

В ту пору генерал Рокоссовский круглые сутки был на передовой. Ночевал в палатке или просто под сосной, положив под голову офицерскую сумку или противогаз, ел из солдатского котелка, по-братски делил с бойцами все тяготы и опасности фронтовой жизни.

Он знал быт своих солдат. Знал, как они обмундированы. Но он хотел глубже понять их моральное состояние, их чувства, их психику.

В первые месяцы войны была в основном принята ячеичная система обороны — так называемая линейная тактика. Сидит солдат в окопе, сжимает в руках винтовку, держит оборону. Боец знает, что впереди враг, готовый каждую минуту, каждую секунду ринуться на него.

А что происходит слева и справа от него, боец не знает. Держатся ли его товарищи? Или они отошли и он остался один в своей ячейке-яме перед наступающим врагом?

На войне страшно — в этом нет секрета. Великое чувство локтя, солдатской взаимопомощи и взаимовыручки помогало держать страх в узде. Недаром говорится: «На миру и смерть красна!»

Рокоссовский решил сам испытать те чувства, которые овладевают солдатом, когда он один на один со своей судьбой сидит в ячейке. Отправился на передний край и в одной из ячеек сменил бойца средних лет, с угрюмым, плохо выбритым лицом.

— Давайте-ка, товарищ боец, я вместо вас тут поде-
журю.

Боец с недоумением и даже с некоторым беспокойст-
вом смотрел то на генерала, который спокойно и деловито
располагался в его ячейке, то на своего командира взвода,
даже вспотевшего от присутствия на передовой высокого
начальства. Взводный кивал головой,— значит, все идет
нормально. Боец не стал вдаваться в детали и искать объ-
яснения странному поведению генерала. Вылез из ячей-
ки — и поскорее в роту.

Рокоссовский остался в ячейке один. Впереди были гит-
леровцы, они вели редкий непрекращающийся огонь. Не
ровен час, могут броситься в атаку, как было вчера, как
было третьего дня. Это Рокоссовский знал. Что же дела-
ется справа и слева от его ячейки, он не знал.

Ему стало жутковато, ему, человеку, уже не раз выдав-
шему смерть в глаза, знавшему по собственному опыту,
что такое бой.

А как себя чувствует, попав в такую ячейку-яму, мо-
лодой, еще не обстрелянный солдат?

Плохо себя чувствует!

Рокоссовский понял: система ячеечной обороны не го-
дится. Боец должен всегда знать, что он частица единого
боевого коллектива, где один за всех и все за одного. Он
должен все время видеть своего командира, слышать его
команды, знать, что рядом сражаются товарищи.

Нужна траншея, а не ячейка!

Рокоссовский приказал — и во всех частях начали спе-
шно рыть траншеи. Вырыли, освоились в них.

В те тяжелые дни Рокоссовский часто появляется в
траншеях на самой передовой.

Что это? Ухарство? Игра со смертью?

Хорошо, когда в твоей траншее, где ты сидишь, втя-
нув голову в плечи, и боишься, как бы не подстерегла
тебя чисто бредущая пулеметная очередь или глазастая

пуля снайпера, вдруг появляется высокий голубоглазый генерал в полной своей генеральской форме, словно здесь не самая что ни на есть передовая, а парадный плац. На груди у генерала — орден Ленина, четыре ордена Красного Знамени...

Командующий!

Идет генерал по траншее не нагибая голову — в блестящей генеральской фуражке, и его чисто выбритое лицо спокойно, словно он на прогулке в Сокольниках или в Серебряном бору. Рост у него гвардейский — почти два метра.

Рокоссовский!

Молодечество, оставшееся с тех давних пор, когда бравый унтер-офицер драгунского полка Константин Рокоссовский на коне мчался в кавалерийскую атаку?

Нет, все гораздо проще и гораздо значительней. Генерал Рокоссовский понимал, как важно в изнурительных боях поддерживать у бойцов переднего края веру в свои силы, в силы нашей армии, закалять их боевой дух. Своим присутствием на линии огня, даже своим внешним видом он старался показать бойцам: «Не трусь! Не так уж страшен враг. Будем его еще драть как сидорову козу».

После войны, говоря о месте и поведении командира в бою, Константин Константинович Рокоссовский как-то сказал:

— Я не сторонник ненужной напускной бравады, как и бесцельной храбрости — рисовки. Это нехорошо. Это ниже правил поведения командира.

И тут же добавил:

— Но порой нужно быть выше правил.

В долгой боевой деятельности Рокоссовского были случаи, когда ему приходилось «быть выше правил».

Вот один из них.

Во время ожесточенных боев в районе Ярцева генерал Константин Константинович Рокоссовский и командующий артиллерией генерал Иван Павлович Камера находились

на огневом рубеже. В это время гитлеровцы под прикрытием авиации и артиллерийского огня неожиданно бросились в атаку. Не выдержав вражеского натиска, наши бойцы дрогнули. Началось беспорядочное отступление.

Как быть? Времени для долгих размышлений не было. И генералы приняли решение личным примером остановить отступающих, ликвидировать панику.

Прошло несколько томительных минут, и послышались вначале робкие, а потом все более настойчивые голоса:

— Куда бежишь? Видишь, генералы стоят, а ты...

Остановился один, другой, десятый... Беспорядочное отступление прекратилось. Бойцы залегли. Вражеская атака захлебнулась.

Вид генералов, спокойно (нелегко далось спокойствие!) стоящих под огнем, отрезвляюще подействовал на слабонервных, оказался сильнее и верней приказов, уговоров, угроз.

Нет слов, это была вынужденная, крайняя мера. Может быть, командующему не следовало так рисковать, благоразумней было принять другие меры, чтобы пресечь панику? Но Константин Константинович Рокоссовский своим спокойствием, презрением к опасности победил.

К концу июля положение войск группы Рокоссовского значительно упрочилось: командование фронта укрепило группу несколькими танковыми батальонами, Московская партийная организация прислала батальон коммунистов, командующему группы удалось укомплектовать аппарат управления.

В начале августа, собрав все подчиненные ему силы в один кулак, улучив удобный момент, Рокоссовский нанес неожиданный удар по наступающему врагу.

«Ярцево! Ярцево! Ярцево!» — разнесли телеграфные агентства по всему миру название маленького, безвестного доселе русского городка. Каждая победа нашего оружия в те дни воспринималась как сенсация.

Части Рокоссовского овладели городом Ярцево, форсировали Вопь, закрепились на выгодных позициях. Солдаты еще раз убедились: врага бить можно!

Группа Рокоссовского, перейдя в наступление под Ярцевом и южнее, содействовала частям 16-й и 20-й армий под командованием генералов М. Ф. Лукина и П. А. Курочкина, которые успешно выполнили приказ командования фронтом и усилили оборону на новых рубежах.

В августе первого года войны против Советского Союза провалился еще один план вражеского командования: гитлеровцы встретили на московском стратегическом направлении не пустоту, как предполагали, а прочную оборону. Для ее преодоления Гитлеру понадобились дополнительные войска и время на подготовку нового наступления.

Ставка Верховного Главнокомандования заметила фронтовые успехи Константина Константиновича Рокоссовского: умело проведенные бои под Дубно, решительные и энергичные меры по сколачиванию группы войск, твердое руководство боевыми действиями на смоленском направлении.

На сорок пятый день войны генерал Рокоссовский получил новое, уже второе за последний месяц повышение — его назначили командующим 16-й армией Западного фронта.

16-я армия Западного фронта вписала в битву за Москву одну из ярких страниц. После фактического объединения войск подвижной группы с 16-й армией она представляла внушительную силу. Шесть стрелковых дивизий, танковая бригада и другие части входили в ее состав.

Но и участок фронта — 50-километровая полоса, на которой оборонялась 16-я армия, — был, пожалуй, одним из наиболее важных на дальних подступах к Москве. Армия перехватывала здесь основную магистраль Смоленск — Вязьма — прямой путь к нашей столице.

Приближалась зима, и страх перед русскими морозами

заставлял фашистские войска иступленно рваться к Москве. В Москве они видели победный конец оказавшейся такой трудной войны на Востоке. Верили: еще одно, последнее усилие, еще один, последний удар — и Москва падет.

Тонкой полосой вытянулись изнуренные непрерывными боями части 16-й армии. Казалось, стоит прорвать это последнее препятствие, и фашистские танки в самом деле помчатся по Волоколамскому шоссе в Москву...

Ответственны и многообразны обязанности командующего армией. Чтобы успешно выполнять их, нужны и военный талант, и точный расчет, и предвидение, и личное мужество, и умение прислушиваться к мнению своего штаба, командиров дивизий.

Но кроме всего прочего нужно уметь оперативно принимать решения, порой смелые, а порой и рискованные.

Рокоссовский умел принимать такие решения.

Реактивные минометы — «катюши» — только появились на фронте. Они были нашим грозным и секретным оружием. Нельзя было допустить, чтобы хоть одна реактивная установка попала в руки врага. Следовательно, надо было держать их подальше от линии огня. Но ведь только действуя впереди, «катюши» могли нанести противнику наибольший ущерб.

Как быть? Кто возьмет на себя ответственность и нарушит инструкцию?

Рокоссовский все взвесил, обдумал, принял надлежащие меры. И приказал подвезти «катюши» к передовой. Выдвинутые вперед реактивные установки начали действовать с огромной эффективностью, сея панику в рядах противника.

Командование армии делало все, чтобы укрепить оборону. Солдаты рыли противотанковые рвы. Стыки и промежутки между полками густо минировали. Были созданы подвижные отряды саперов. Передвигаясь на машинах,

снабженные минами и подрывными зарядами, они контролировали все танкоопасные направления, преграждали путь вражеским танкам, не пускали их в глубину нашей обороны.

Артиллеристы перекрыли шоссе и все проселки. Каждой батарее придавались специальные подразделения для борьбы с танками. Стрелки вели борьбу с вражескими автоматчиками.

Но гитлеровские войска, пополненные свежими дивизиями, спешно переброшенными с Запада, наносили удар за ударом.

В те дни величайшей опасности для советской столицы генерал Рокоссовский, по своему обыкновению, часто находился на передовой. Он понимал: нужны и штаб, и КП и НП, и связь, и донесения, и звонки в Ставку. Без этого нельзя воевать в современной войне. И все же бойцы и командиры переднего края привыкли видеть высокую статную фигуру командующего в кожаном пальто, стянутом портупеей, с полевой сумкой и офицерским планшетом. Спокойный, ровный, не гнущийся под огнем человек. Они словно черпали душевные силы друг у друга...

Трудные, неимоверно напряженные дни октября 1941 года. Враг рвался к Москве по наикратчайшему пути, применяя мощные танковые атаки, массированные налеты авиации.

5 октября ГКО принял специальное решение о защите столицы. 13 октября собрание партийного актива Москвы постановило мобилизовать всех коммунистов, комсомольцев и трудящихся на оборону города.

19 октября было принято постановление ГКО о введении в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения.

Опасность, нависшая над столицей, еще более сплотила советских людей. «Не бывать фашистам в Москве!» В это верил и сердцем, и разумом каждый советский человек.

Эта уверенность стала еще более твердой после дня 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Заключительные слова напутствия, с которыми уходили на фронт воины, участвовавшие в параде на Красной площади, мощным эхом отозвались в сердцах миллионов людей.

«На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Под знаменем Ленина — вперед к победе!».

И советские воины стойко и самоотверженно отражали натиск врага, твердо зная, что скоро наступит час, когда они двинутся вперед, сделают уверенные шаги к полной победе.

Константин Константинович Рокоссовский трезво рассчитал возможности своих войск. Его радовало, что соединениями армии командуют надежные, знающие командиры. Он был доволен, что конников водит в атаки отважный и умелый Лев Михайлович Доватор. Он гордился курсантским полком, созданным на базе военного училища имени Верховного Совета РСФСР, которым командовал опытный полковник Младенцев. Полк был достоин своего прославленного имени. Крепкий, надежный. Командующий знал: там, где сражаются славные наследники кремлевских курсантов, враг не пройдет!

Недавно подошла танковая бригада полковника Михаила Ефимовича Катукова. По-братски встретил командующий 16-й армией прославившегося в ожесточенных боях под Орлом танкового командира.

Потом, много лет спустя, дважды Герой Советского Союза маршал бронетанковых войск Михаил Ефимович Катукос сказал:

— Встреча с командармом оставила отрадное впечатление. Как хорошо, что в те трудные дни мне пришлось воевать под началом такого человека.

Вскоре после прибытия в 16-ю армию полковника М. Е. Катукова срочно вызвали в штаб. Ехал с тревогой: что случилось? Может быть, враг начал новое наступление? Или прорвались сквозь нашу оборону его танковые клинья? Или... Всякое могло быть. Шла осень сорок первого года.

Быстро войдя в штаб, он увидел оживленные, довольные лица членов Военного совета, и от сердца отлегло: все в порядке.

И услышал неожиданное и радостное:

— Полковник Катукон! Поздравляем с присвоением вам звания генерал-майора танковых войск!

Не дав опомниться, Рокоссовский протянул какую-то бумагу.

— Читайте!

Катукон прочел:

«Приказ Народного Комиссара Оборонн Союза ССР от 11 ноября 1941 года «О переименовании 4-й танковой бригады в 1-ю гвардейскую танковую бригаду»».

Дальше шли добрые слова о его воинах: об отличных боевых действиях, храбрости и слаженности. И в конце: «Боевые действия 4-й танковой бригады должны служить примером для частей Красной Армии...»

Крепко пожал Константин Константинович Рокоссовский руку нового генерала:

— Теперь готовьтесь, Михаил Ефимович, бить врага по-гвардейски!

Полнокровкой, крепко сколоченной, хорошо обученной была и 316-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал Иван Васильевич Панфилов. Рокоссовский был в дивизии, убедился, что она готова к боям.

Типично русское, спокойное лицо Панфилова понравилось командиру: умные внимательные глаза, коротко подстриженные усы. Одет по-окопному: солдатский полушубок

бок, шапка-ушанка, валенки. Только офицерский пистолет на боку.

Может быть, привлекало и то, что был он тоже старым воином, участником гражданской войны, прошел большую армейскую и жизненную школу.

Рокоссовский видел 316-ю дивизию и в бою. С НП генерала Панфилова он наблюдал, как бойцы отражали атаки танков противника, как метко били по снижавшимся самолетам врага счетверенные пулеметы и 37-миллиметровые зенитные пушки.

В тот день 28 героев-панфиловцев совершили свой бесстрашный подвиг у разъезда Дубосеково. Именно в тот день прозвучали на всю страну слова политрука Василия Клочкова:

— Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва!

4

Тщательно, с немецкой педантичностью и предусмотрительностью готовились гитлеровские генералы к решающей битве. Цель ее была одна: захватить советскую столицу — Москву. А падение Москвы должно означать, что сопротивление советских войск окончательно сломлено, что закончилась победой и так затянувшаяся война. И воцарится на земле «новый», фашистский порядок.

В середине ноября группа немецких армий «Центр» под командованием фон Бока по всему фронту от Калинина до Тулы перешла в наступление. Фашистам казалось, что теперь-то уже никакая сила их не остановит. По данным вражеской разведки, советскую столицу прикрывали только отдельные обескровленные части. Достаточно нанести последний удар, и русские войска не выдержат. Садись тогда в танк, в броневик, на мотоцикл и шпарь по шоссе

до московских окраин, до Красной площади. Пусть наконец фюрер назначает дату долгожданного парада!..

Однако вражеская разведка упустила кое-что: рядом с закаленными и действительно поредевшими в боях войсками в подмосковных рощах и перелесках скрытно развертывались свежие дивизии, корпуса, армии...

Но пока советские войска отступали. Они сжимались, как пружина. Они ждали своего часа.

Был хмурый, холодный день. Тусклое небо нависло низко над землей.

Связисты, надрываясь, пытались соединить командующего армией с командиром 316-й дивизии. Только что Рокоссовский прослушал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении панфиловской дивизии орденом Красного Знамени. Дивизия стала 8-й гвардейской. То-то обрадуется Иван Васильевич Панфилов!

Не терпелось Рокоссовскому первому поздравить боевого генерала. Так мало было радости в эти трудные дни, что не хотелось терять ни одной возможности порадоваться вместе с товарищем по оружию, душевно поздравить его, пожелать здоровья, успехов, долгих лет жизни.

Когда связисты соединились наконец с дивизией генерала Панфилова, Рокоссовский схватил трубку:

— Иван Васильевич!

Чей-то глухой голос доложил:

— Генерал Панфилов убит!

Разрыв вражеской мины. Крошечный осколок угодил прямо в висок. Не приходя в сознание, генерал Иван Васильевич Панфилов скончался.

Рокоссовский стоял у телефона в горькой задумчивости. Крохотный, ничтожный кусочек металла унес жизнь человека, полного сил, который так нужен дивизии, армии, народу. Явственно ощутил, как с каждой новой потерей на плечи ложится новая тяжесть...

А бои в подмосковных лесах, на подмосковных дачных полустанках продолжались. Тяжелые, изнурительные оборонительные бои.

Бывший командующий Западным фронтом Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков много лет спустя в своей книге «Воспоминания и размышления» напишет о тех днях и об армии Константина Константиновича Рокоссовского:

«Бои, проходившие 16—18 ноября, для нас были очень тяжелыми. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями.

Но глубоко эшелонированная артиллерийская и противотанковая оборона и хорошо организованное взаимодействие всех родов войск не позволили противнику прорваться через боевые порядки 16-й армии. Медленно, но в полном порядке эта армия отводилась на заранее подготовленные и уже занятые артиллерией рубежи, где вновь ее части упорно дрались, отражая атаки гитлеровцев».

Маршал Жуков назвал эти соединения:

316-я стрелковая дивизия генерала И. В. Панфилова;

78-я стрелковая дивизия полковника А. П. Белобородова;

18-я стрелковая дивизия генерала П. Н. Чернышева;

1-я гвардейская танковая бригада;

23-я отдельная танковая бригада;

27-я отдельная танковая бригада;

28-я отдельная танковая бригада;

кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора.

Умело сражалась с врагом танковая бригада генерала Катукова, недавно ставшая 1-й гвардейской. Взрывая снежную подмосковную целину, окутанные морозной дымкой, танки гвардейцев огнем и гусеницами разили врага.

В ходе ожесточенных боев поредели ряды танковых подразделений. А те машины, что уцелели, нуждались в

немедленном ремонте. Генерал Катукоев обратился к Военному совету армии с просьбой:

— Дайте нам хотя бы два дня для ремонта материальной части, для передышки. Только два дня!

Он был уверен, что командующий армией, прекрасно зная, в каком положении находится бригада, как она нуждается в этих двух днях, отнесется к просьбе внимательно.

На просьбу Катукоева командарм Рокоссовский ответил немедленно. Ответил решительно и ясно:

«Обстановка сейчас такая, что не приходится думать о передышках, формированиях и т. д.

Сейчас ценность представляет каждый отдельный боец, если он вооружен.

Деритесь до последнего танка и красноармейца. Этого сейчас требует обстановка.

Налаживайте все в процессе боя и походов. 26.XI.41 г.
Рокоссовский».

В первую минуту генерал Катукоев схватился за голову.

Но Михаил Ефимович Катукоев был испытанным в боях воином. Он понял: не мог поступить иначе командующий армией! Обстановка сложилась чрезвычайная. Гитлеровские войска чуть ли не в пригородах Москвы. О каком ремонте, о каком отдыхе можно теперь говорить!..

И повел в контратаки своих танкистов-гвардейцев генерал Катукоев. В короткие редкие минуты между боями танкисты собственными силами (точнее, из последних сил!) ремонтировали машины, перевязывали друг другу раны и сражались так, как потребовал от них командующий армией Рокоссовский,— сражались до последнего танка, до последнего бойца.

И на этом участке обороны, как и на всех других, где воевали доблестные защитники Москвы, враг не прошел.

Конец ноября сорок первого года. Режут, утюжат подмосковные рощи, подмосковные луга и перелески гитлеровские танки — гитлеровцы еще надеются последним рывком ворваться в нашу столицу. Отяжелело от гула вражеских авиационных моторов уже зимнее небо. Тысячи жерл артиллерийских орудий, устремленные в низко нависшие тучи, с воем и грохотом выплевывают смертоносные заряды.

Фашистские войска еще лезут, еще рвутся к Москве. Подвезли 300-миллиметровые орудия, чтобы обстреливать центр советской столицы. Уже созданы саперные отряды, которым Гитлер поручил взорвать Кремль. Командование фюрера бросает в бой последние резервные дивизии.

Смертельная угроза, нависшая над Москвой, еще не миновала.

Еще не миновала! Но уже советские бойцы, командиры, генералы, а в их числе и Рокоссовский, понимали: враг выдыхается. Значит, нужно еще одно, последнее напряжение сил, нужно устоять на последнем оборонительном рубеже перед Москвой. И враг исчерпает до последней капли свой наступательный порыв.

В конце ноября сорок первого года 16-я армия, обессиленная в непрерывных изнурительных боях, держалась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор. Она вновь и вновь отвечала ударом на удар, ослабляя силы врага. Остановить его полностью она еще не могла. Но и противник не мог прорвать сплошной фронт обороны армии.

В те дни, вернее, в те ночи Рокоссовский разговаривал по ВЧ с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным.

Сталин интересовался, какая обстановка сложилась на Истринском рубеже, что предпринимается, чтобы задержать фашистов.

Спросил в конце:

— Тяжело вам?

Рокоссовский ответил одним словом:

— Тяжело.

Сталин и не ожидал другого ответа. Он знал, с каким напряжением отражает 16-я армия удары врага. Проговорил необычно мягко:

— Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...

Это «прошу» ударило по сердцу. Они продержатся! Они будут стоять насмерть!

Уже к утру начала прибывать обещанная Верховным помощь: полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями, три батальона танков. Прибыли и две тысячи москвичей-ополченцев.

Еще через несколько дней, в один из острых критических моментов, армия Рокоссовского получила из фронтового резерва танковую бригаду, артиллерийский полк и еще четыре дивизиона «катюш».

Дышать стало легче.

16-я армия вела непрерывные оборонительные бои — от Красной Поляны до Крюкова шла ожесточенная схватка.

Наконец, обессилев, гитлеровцы остановились. Москва была рядом, они видели ее в бинокли. Но уже не было сил, чтобы сделать еще хоть один шаг вперед.

Операция «Тайфун», тщательно подготовленная как «решающее сражение года», потерпела полный крах.

Вражеское командование вынуждено было подумать об обороне, оно рассчитывало во что бы то ни стало удержаться на достигнутых рубежах.

Ставка Верховного Главнокомандования своевременно

приняла меры для того, чтобы сорвать этот план гитлеровцев, и приняла решение о формировании десяти резервных армий. Были усилены войска Западного фронта. 16-й армии, пополненной тремя стрелковыми бригадами, предстояло действовать бок о бок с двумя вновь сформированными 1-й ударной и 20-й армиями.

Без паузы, без обычной в таких случаях подготовки армия Рокоссовского, как и другие войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов, от обороны сразу же перешла в наступление. Нельзя было давать врагу передышки, позволить закрепиться, организовать оборону. Надо было гнать его и гнать!

И советские войска погнали гитлеровцев. Началось первое большое наступление советских войск в этой войне.

В освобожденных городах и деревнях Подмосковья воины Рокоссовского увидели подбитые танки, беспомощно уткнувшиеся еще вчера грозными жерлами орудий в придорожные сугробы, автомашины всех марок с сорванными в панике дверцами, набитые награбленным добром, секретные бумаги и оперативные карты, втоптаные в дорожное месиво, ящики со снарядами и минами, брошенные вдоль дорог.

И трупы, трупы, трупы вражеских солдат и офицеров в грязноватого цвета шинелишках на снегу...

Услышали наши бойцы тогда и два уже намертво спянных слова:

— Гитлер капут!

Отходили немецко-фашистские войска огрызаясь, цепляясь за каждую деревушку, за каждую высотку.

На Истринском водохранилище завязались особенно упорные бои. Когда части 16-й армии подошли к водохранилищу, гитлеровцы с западного берега Истры открыли ураганный огонь.

Рокоссовский опасался, что противник, чтобы задер-

жать наше наступление, подорвет дамбу и спустит воду.

Гитлеровцы подорвали дамбу. Хлынул ледяной поток. Опустился и покрылся водой лед на реке Истре.

Командующий направил в обход водохранилища с юга и севера две подвижные группы войск. Форсировать же ледяную преграду на подручных средствах послал сибирскую дивизию под командованием А. П. Белобородова.

Тяжелая задача стояла перед нашими бойцами. Она требовала мужества, боевого мастерства, нестигаемой воли. В лютый декабрьский мороз, под ожесточенным огнем противника надо было подниматься из занесенных снегом окопов и идти в бой.

Бойцы Рокоссовского поднимались. Шли. Побеждали.

Умелыми действиями трех групп успех был обеспечен.

Не удержавшись на Истринском рубеже, на который они возлагали большие надежды, гитлеровцы поспешно отступали, бросая автомашины, боевую технику, раненых и убитых.

Успешно развивалось контр наступление и на других участках фронта, особенно в районе Тулы, под Калинином, Наро-Фоминском.

Советское радио передало радостное сообщение Совинформбюро о провале гитлеровского наступления на Москву. 7 декабря утром Рокоссовский прочел в газете об успешных действиях советских войск на Западном и Калининском фронтах.

К исходу 11 декабря 1941 года были подведены первые итоги победных боев. Красная Армия освободила свыше 400 населенных пунктов. Захвачено 386 танков, 704 орудия, 305 минометов, 4317 автомашин; уничтожено 271 танк, 211 орудий и минометов, 565 автомашин... Убито 30 тысяч солдат и офицеров...

За несколько дней!

Ударные группировки Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов за три дня продвинулись на 30—40 километров.

Войска генерала Рокоссовского, преследуя 5, 10 и 11-ю танковые дивизии, дивизию СС и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли Истру.

Немецко-фашистская армия впервые за всю вторую мировую войну, которую она начала 1 сентября 1939 года, потерпела сокрушительное поражение.

6

На всю жизнь останутся в памяти К. К. Рокоссовского эти суровые тревожные дни. И не иссякнет чувство признательности к героическим советским солдатам, в неимоверно трудных условиях отстоявшим Москву. Он всегда будет преклоняться перед их мужеством и стойкостью, свято чтить память героев, отдавших жизнь за Родину.

Эти чувства с новой силой вспыхнут в нем в день захоронения в Москве останков Неизвестного солдата...

Снова был декабрь, морозный, снежный, как и 25 лет назад. Вскрывали братскую могилу, чтобы призвать на бессрочный посмертный пост одного из погребенных в ней безымянных героев минувшей войны.

Бьется на ветру боевое воинское Знамя, овеянное славой в боях под Москвой. А по обе стороны Ленинградского шоссе, словно в почетном эскорте, выстроились березы. Кивают, кивают ветвями, посеребренными инеем, кланяются.

— Слава тебе, воин, защитник, герой!

Вот и площадь Белорусского вокзала. Улица Горького. Манежная площадь. Алые флаги с траурными лентами на Манеже, на старом здании Московского университета, на Историческом музее, на Музее Владимира Ильича Ленина...

К Александровскому саду, к месту своего вечного захоронения, прибыл Неизвестный солдат.

Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский приехал минут за двадцать до начала траурного митинга. Предстоящее выступление волновало его. К северу от столицы, в районе станции Крюково, в ноябре — декабре сорок первого года сражалась его армия. Вероятно, в гробу на лафете лежат останки его солдата, его однополчанина... Горькая, никогда не утихавшая боль об утратах и потерях тех дней с новой силой сжала сердце.

Бессильны годы, бессильно время перед величием и жгучим накалом битвы за Москву. Озверелый натиск гитлеровцев, опьяненных возможностью такой, казалось, близкой и такой вождеденной победы. И твердый, как клинок, приказ Родины: «Стоять насмерть!»

Выстояли!

Начался митинг. Слово предоставили Рокоссовскому.

— Много, очень много солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов,— сказал он,— не дошло с нами до Берлина и Эльбы. Но они навсегда останутся в сердце народа. Пусть и эта могила у Кремлевской стены будет вечным символом беззаветного служения любимой Советской Родине, памятником всем известным и неизвестным героям, отдавшим жизнь за наше правое дело.

...Ветераны войны сняли с орудийного лафета гроб и бережно понесли в Александровский сад, к Кремлевской стене. Под троекратный артиллерийский салют опустили его в могилу. Первые комья московской земли упали на крышку...

С плиты сняли покрывало. На ней надпись:

ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО
ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН
ПАВШИМ ЗА РОДИНУ

1941

1945

7

В середине января 1942 года Верховное Главнокомандование поставило перед командованием 16-й армии задачу овладеть Сухиничами. В своем напутствии командующий войсками Западного фронта Г. К. Жуков сказал К. К. Рокоссовскому:

— Надеюсь, что вы вскоре донесете мне об освобождении Сухиничей.

Под Сухиничи прибыл штаб армии во главе с генералом Рокоссовским, — дивизии пока оставались те же, что сражались на этом участке фронта в составе 10-й армии. Рокоссовскому предложили решить задачу трудную и сложную: гитлеровцы превратили Сухиничи в мощный узел обороны, приготовились в нем перезимовать, собраться с силами для будущих боев.

Командование 16-й армии, и прежде всего ее командующий К. К. Рокоссовский, член Военного совета А. А. Лобачев, начальник штаба М. С. Малинин, начальник артиллерии армии В. И. Казаков, начальник бронетанковых войск Г. Н. Орел и другие боевые помощники командарма начали сразу же знакомиться с войсками, стоящими под городом. Приводили их в порядок, старались по возможности укомплектовать людьми сильно поредевшие во время наступательных боев полки, обеспечить их боевой техникой и боеприпасами, вдохнуть наступательный дух. Ра-

ботники штаба налаживали связь, организовали разведку противника и местности, получали сведения, нужные для выполнения боевой задачи — овладеть Сухиничами.

Посещая дивизии, Рокоссовский ощутимо почувствовал, что его знают в войсках, что имя его знакомо солдатам, что с его приездом на этот участок фронта бойцы и командиры связывают свои надежды на успех предстоящих боев.

Возникла мысль: если его имя знают в войсках, то, возможно, и противник наслышан о 16-й армии и генерале Рокоссовском? Естественно, командование гитлеровских войск будет озабочено, узнав о прибытии под Сухиничи командующего другой армией. Нельзя ли использовать этот, так сказать, психологический фактор? Пусть противник думает, что штурмовать город Сухиничи явился не только генерал Рокоссовский, не только его штаб, но и вся отличившаяся в боях под Москвой 16-я армия.

Странное указание было передано в те дни всем дивизиям и полкам: в открытых переговорах по радио и по всем линиям связи почаще называть 16-ю армию, без стеснения указывать фамилию командарма генерала Рокоссовского, называть побольше номеров дивизий и частей, которые, дескать, готовятся штурмовать немецкий гарнизон Сухиничей.

— Шестнадцатая движется к Сухиничам!

— Рокоссовский приехал!

Имя командарма звучало в эфире, неслоь по проводам связи:

— Рокоссовский!

— Рокоссовский!..

В ночь на 29 января войска заняли исходные позиции. Выдвинулась на линию огня артиллерия.

На НП прибыл Константин Константинович Рокоссовский, чтобы лично руководить боем.

До начала артиллерийской подготовки оставалось несколько минут.

Неожиданно командарму доложили:

— Бросая технику, склады, боеприпасы, гитлеровцы в панике бегут из Сухиничей.

Быть не может! Почему враг, окопавшийся в городе, превративший его в крепость, с такой яростью оборонявшийся, вдруг без боя бросает все и бежит?

Рокоссовский приказал проверить странное донесение. Оно подтвердилось. Гитлеровские войска действительно покинули город. Даже не успели его заминировать, что обычно делали в таких случаях.

Тогда Рокоссовский перенес свой КП в город и связался с командующим Западным фронтом генералом армии Г. К. Жуковым.

Доложил:

— Гитлеровцы сегодня ночью без боя покинули Сухиничи.

Трудно было поверить в такую новость. И Жуков не поверил:

— Быть не может!

— Точно!

— Сомневаюсь.

— Не сомневайтесь, Георгий Константинович. Вашу задачу выполнили, как говорится, не мытьем, так кантanjem.

— Так не бывает,— стоял на своем генерал армии Жуков, но в его твердом, обычно уверенном голосе уже не чувствовалось прежней убежденности.

— Бывает! — Рокоссовскому было радостно, что и город Сухиничи он взял без боя и удивил Жукова, что тоже было не простым делом.— Бывает!

— Разве только в кино! — И Жуков хмуро приказал: — Проверьте лично.

— Проверил. Я сейчас говорю из Сухиничей.

Долгая пауза. И такому острому, реактивному командующему фронтом, каким был Георгий Константинович Жуков, как видно, потребовалось некоторое время, чтобы осознать неожиданную, удивительную новость.

Голосом, в котором все же чувствовалось недоумение, проговорил:

— Поздравляю!

В газетах и по радио все чаще и чаще называлась фамилия командарма Константина Константиновича Рокоссовского, войска которого успешно громили врага. Из городов и сел Советской страны в адрес 16-й армии и ее командующего шли письма, телеграммы, посылки. Рабочие, колхозники, труженики тыла в своих письмах желали бойцам и командирам армии новых успехов в борьбе с ненавистным врагом, писали с надеждой и верой:

«Бейте врага! Возвращайтесь с победой!»

Командование армии, командиры частей и подразделений старались ответить на добрые слова, идущие из самых разных уголков Советской страны. Вот один из таких ответов:

«Дорогие товарищи города Комсомольска!

Бойцы, командиры, политработники нашего участка фронта шлют вам свой боевой привет!

Здесь, на заснеженных полях и в лесах, мы с оружием в руках, не щадя своей жизни, сражаемся с оголтелыми гитлеровскими бандами, осквернившими своими погаными сапогами нашу священную советскую землю. Но мы сражаемся с немецкими оккупантами не одни — нас поддерживает весь наш советский народ, вся страна.

И вы, трудящиеся города Комсомольска, находясь на далеком Амуре, своим самоотверженным трудом на заводах и предприятиях помогаете нам истреблять немецких оккупантов.

Сила ударов Красной Армии растет и увеличивается с

каждым днем. Впереди еще большие и нелегкие схватки с коварным и подлым врагом. Но недалек тот час, когда германский фашизм будет уничтожен!

Генерал-лейтенант Рокоссовский
Член Военного совета дивизионный комиссар Лобачев
17 февраля 1942 года».

Только одного письма, одной телеграммы, одной весточки не получал Рокоссовский. Уходя со своим корпусом на войну 22 июня сорок первого года, он оставил в маленьком украинском городке жену и дочь. Что с ними? Успели ли эвакуироваться? Или захлестнула их волна вражеского нашествия?..

8

Что такое военное счастье?

Это когда пуля, пущенная в упор, летит мимо, когда мина, разорвавшаяся рядом, в сторону швырнула осколки, когда бомба, сброшенная с точным прицелом, уходит в землю не разорвавшись.

— Повезло!

Военное счастье сопутствовало Рокоссовскому в первые месяцы войны.

...В Вязьме немецкие танки ворвались в город, когда там находились Рокоссовский и офицеры его штаба. Уходили на автомашине ЗИС-101. В одном месте едва не столкнулись с вражеским танком. Повернули в переулок и ушли.

...В деревне Пешки немецкий снаряд угодил в дом, где находился Рокоссовский. Снаряд не разорвался.

...В Клину артиллерийский снаряд попал в здание почты, где в то время был Рокоссовский. Здание разрушено.

С автоматом в руках командующий армией уходил из города, занятого фашистами...

На войне как на войне. Каждый день фронтовой жизни таил угрозу. Но военное счастье было с Рокоссовским.

И все же пришел день...

День был весенний, радостный. И праздничный — Восемое марта. Кто из воинов в такой день не вспоминал близких: мать, жену, сестер, дочерей...

В дом, где разместился начальник штаба, Рокоссовский пришел утром веселый, довольный. Отлично идут дела. Гитлеровцы бежали из Сухиничей. Ежатся они теперь в лесах да оврагах, кормят вшей, проклинают «молниеносную» войну, конца которой не видно. А его штаб вон как устроился. В кирпичном доме, в тепле, с комфортом.

— Не забыли, товарищи, какой день сегодня? Всех наших женщин поздравили с праздником? Учтите, в воен-торге духи есть, конфеты, печенье.

Начальник штаба раскрыл папку с приказами на подпись. Рокоссовский сел за стол, взял ручку. Улыбнулся.

— Богато стали жить. То палатка была, то машина, то сосновый пенёк. А теперь стол с чернильным прибором. Так и бюрократом можно стать.

Обмакнул перо...

За окном неожиданно разорвался снаряд. Зазвенели стекла, полетели какие-то щепки, посыпалась на пол штукатурка. Взметнулась рыжая пыль...

Много командиров было в штабе. Но никто не пострадал. Ни те, что стояли вокруг командарма, ни те, что были на улице.

Но Рокоссовского осколок нашел. Так и не подписанный приказ выпал из руки командарма. Со стоном слетела с губ улыбка. Весеннее солнечное утро померкло. Плохо повиновавшимся губами проговорил, стараясь казаться бодрым:

— Попало...

Перехватывало дыхание. Шевелились губы, но голоса не было. Он напрягал все силы, чтобы сдержать стон. На виду у всех стонать не хотелось...

Ошеломленные несчастьем, случившимся так неожиданно, начальник штаба Михаил Сергеевич Малинин и начальник артиллерии армии Василий Иванович Казаков бросились к командующему, перенесли на диван. Сняли залитый кровью китель.

Заключение армейского хирурга было безрадостным: ранение тяжелое, нужна срочная операция. Командарма отвезли в Козельск, в армейский госпиталь. Из Козельска на самолете отправили в Москву.

Рокоссовского поместили в госпиталь, который обосновался в просторных корпусах Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Специалисты внимательно осмотрели генерала. Подтвердили диагноз армейского хирурга: пробито легкое, осколок застрял у позвоночника.

Оперировать или нет? Большинство врачей склонялось к тому, что необходимо удалить инородное тело — так деликатно называли они кусок железа, осколок гитлеровского снаряда. Но операция на позвоночнике... Жизненно важные центры... Возможны осложнения...

Поскольку мнения разделились, решили спросить раненого. Выслушав врачей, их «за» и «против», Рокоссовский усмехнулся:

- Организму человека, как я знаю, нужно железо.
- Конечно нужно, но, увы, не такое...
- Это уже деталь. Пусть осколок остается...

...Пройдет четверть века. Как мина замедленного действия, затаится в теле Константина Константиновича Рокоссовского осколок вражеского снаряда. А когда маршала станут одолевать болезни и недомогания, заговорит, даст о себе знать и он...

Но это будет потом, через двадцать пять лет. А сейчас, весной сорок второго года, Рокоссовский рвется из госпиталя на фронт.

Врачи уговаривают:

— Перед вами, дорогой Константин Константинович, одно боевое задание: выздороветь. Ни о чем другом не думайте, никаких волнений и переживаний. Главное — спокойствие, бодрость духа, пунктуальное выполнение всех предписаний врачей.

А в Москве начиналась весна. Оживал прекрасный старый парк за окном палаты. Со строгими и взволнованными лицами на цыпочках входили к нему в палату школьники и ставили на столик в стеклянной баночке первые цветы.

Часто приходили товарищи, оказавшиеся в это время в Москве проездом с фронта на фронт или возвращавшиеся из госпиталей и служебных командировок. Шли письма из 16-й армии: друзья и соратники желали скорого выздоровления, делились фронтовыми новостями.

И наконец пришло сообщение, что его жена и дочь живы и здоровы. В последнюю минуту им удалось эвакуироваться, и теперь они живут в Сибири. Все в порядке.

Все в порядке. Но как невыносимо тягостно лежать в белой палате, глотать лекарства, есть да спать, когда все твои мысли, интересы там, на передовой, где сражается твоя армия, где твои друзья, солдаты!

И может быть, в первый раз за долгие годы службы в армии Рокоссовский нарушил дисциплину. Самовольно покинул госпиталь, уехал в армию:

— На фронте долечусь.

9

Пришло лето сорок второго года — второго года войны. Теперь генерал Рокоссовский командовал войсками Брянского фронта.

Он впервые принял командование такой огромной массой войск. Чуть ли не десяток армий и танковых корпусов

входило в состав фронта. Значительно расширился масштаб работы, возросла ответственность.

Летом гитлеровские войска попытались продвинуться на север вдоль Дона. Но, получив отпор, застопорились. И Брянский фронт к августу перешел к обороне. На этом участке фронта наступила относительная тишина.

Но на юго-востоке гитлеровское командование, сколотив за весну и первую половину лета мощную группировку, теперь начало наступление. Ломая сопротивление войск Юго-Западного фронта, фашисты стремительно рвались вперед — к Волге, к Кавказу.

К началу сентября обстановка на этом участке фронта резко обострилась. Гитлеровцам удалось форсировать Дон. С боями они преодолели междуречье Волги и Дона.

Наши войска вели ожесточенные оборонительные бои на окраинах Сталинграда.

В те дни Рокоссовский с горечью сознавал, что его фронт оказался как бы на периферии войны, в стороне от ее главных событий. С нетерпением и надеждой ждал указаний из Москвы, из Ставки Верховного Главнокомандования: когда же поступит приказ активизировать действия?

В один из сентябрьских дней его вызвали к аппарату ВЧ. Он сразу узнал глуховатый, со знакомым акцентом голос:

— Товарищ Рокоссовский, вам не скучно на Брянском фронте?

Поспешил подтвердить:

— Конечно скучно, товарищ Сталин.

— Предлагаем вам принять командование одним из фронтов под Сталинградом.

— Спасибо!

На следующий день Рокоссовский был в Москве. В Ставке его в общих чертах ознакомили с обстановкой, сложившейся у Сталинграда, с теми задачами, которые предстояло выполнять Сталинградскому фронту.

Наступление гитлеровских войск таило для страны серьезную угрозу. Двумя гигантскими клиньями противник врезался в нашу оборону. Ломая сопротивление советских войск, вышел к Сталинграду и одновременно начал продвигаться через Ростов на Кавказ. Цель врага была ясна: перерезать наши важнейшие коммуникации, оторвать нефтеносные районы Баку и Грозного, пшеничные поля Северного Кавказа...

Самолет, поднявшийся с одного из московских аэродромов, летел на юго-восток. Летел низко, порой переходил на бреющий полет — так было безопасней, меньше вероятности встретиться с вражескими истребителями.

Рокоссовский, летевший в самолете, молчал. «Гитлеровцы у Волги» — само сочетание этих слов казалось невысказанным, чудовищным, злой выдумкой. Он сражался с немцами во время первой империалистической войны где-то под Лодзью, он бил врагов революции во время гражданской войны в Забайкалье, Приамурье, в монгольских степях. Всегда чувствовал за спиной необъятность и несокрушимость родной земли. А теперь? Летел воевать с фашистами под Сталинградом, на Волге, за тысячи верст от границы!

28 сентября 1942 года Сталинградский и Юго-Восточный фронты были непосредственно подчинены Ставке и одновременно переименованы: Сталинградский — в Донской, Юго-Восточный — в Сталинградский.

К. К. Рокоссовский принял командование Донским фронтом.

И снова бои, бои, бои. Опять Рокоссовский дни и ночи в войсках. Изучает систему обороны противника, характер его действий, готовится к наступлению.

В состав фронта входили 63, 21, 24, 66 и 4-я танковая армии. Две армии занимали оборону по северному берегу Дона, три армии продолжали активные действия в между-

речь Волги и Дона, нависая с севера над основной группировкой гитлеровцев, прорвавшихся к Волге.

Фронт растянулся на 400 километров. Как только бои приняли затяжной характер, Рокоссовский провел ряд мероприятий по улучшению управления войсками. Чтобы облегчить управление, он перенес командный пункт ближе к центру этой полосы — в Малую Ивановку.

Приступил к ознакомлению с войсками. Побывал в 63-й армии (командующий генерал В. И. Кузнецов), в 4-й танковой (командующий генерал В. Д. Крюченкин), в 24-й армии (командующий генерал И. В. Галанин), в 66-й армии (командующий генерал Р. Я. Малиновский). Побывал в дивизиях, полках. Теперь он знал свой фронт досконально, знал, в чем он нуждается, знал настроение командиров и солдат. Пусть малочисленны были многие соединения (в 4-й танковой армии, например, было всего... четыре танка), пусть не хватало боевой техники и боеприпасов, но теперь он знал главное: войска фронта горят желанием пойти в решительное наступление, очистить берега великой реки от вражеских войск.

В начале ноября из Ставки прибыл генерал армии Г. К. Жуков. Его приезд мог означать только одно: скоро!

План окружения и разгрома гитлеровской группировки в районе Сталинграда был разработан советским командованием заблаговременно. Теперь настало время его осуществления. Задача эта возлагалась на войска трех фронтов: Юго-Западного, Сталинградского и Донского. Три могучими клиньями они одновременно должны нанести сокрушительный удар по обороне противника.

Войска Юго-Западного фронта с плацдарма юго-западнее Серафимовича наносят удар с общим направлением на Калач. На третий день боев войска фронта должны соединиться с бойцами Сталинградского фронта, наносящими встречный удар из района Сарпинских озер. Так будет создан внешний фронт окружения гитлеровцев.

Войска Донского фронта наступают из района Клетской в общем направлении на Вертячий, окружают и уничтожают гитлеровцев в малой излучине Дона. А затем совместно с войсками Сталинградского фронта приступают к уничтожению основной вражеской группировки, окруженной в Сталинграде.

10

Подготовка к наступательной операции проводилась в обстановке строгой секретности. По приказу Рокоссовского все эшелоны с танками, артиллерийскими орудиями, боеприпасами подавались только по ночам. Земляные работы на передовой проводились открыто, на виду у противника. Это должно было создать у гитлеровцев впечатление, что советские войска здесь перешли к долговременной обороне, решили зимовать на достигнутых рубежах.

Настал день решительного наступления. В ночь на 19 ноября командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, член Военного совета фронта генерал-майор К. Ф. Телегин, командующий артиллерией фронта генерал-майор В. И. Казаков, командующий бронетанковыми войсками фронта генерал-майор Г. Н. Орел, командующий 16-й воздушной армией генерал-майор авиации С. И. Руденко прибыли на вспомогательный пункт управления. Синоптики обещали летную погоду, значит, наступающие войска поддержит авиация.

Все готово. Все учтено. Все взвешено.

Противник молчит. Верно, ничего не подозревает.

Однако выясняется, что синоптики ошиблись. Густой туман заволок все вокруг. Самолеты не смогут подняться. Это первая неприятная неожиданность. А кто знает, сколько еще таких неожиданностей впереди?

Но вот сотнями орудийных глоток яростным грохотом огласила все вокруг артиллерия. Бледными мутными бликами вспыхивали в тумане дальние разрывы тяжелых снарядов и реактивных мин.

Проходят минуты, артиллерия переносит огонь в глубину обороны противника.

Загудели двигатели танков, заскрежетали по каменисто-мерзлой земле гусеницы. Поднялась пехота. Покатилось по полю мощное «ура».

Удалялся шум боя. Рассеивался и туман, как бы для того, чтобы командующий фронтом и его боевые помощники увидели поле боя еще дымящимся, пышущим жаром сражения, в копоти и накале.

Когда улучшилась видимость, пронесли над головой красноезвездные самолеты. Неслись так стремительно к месту боя, словно хотели наверстать упущенное.

Пять суток яростных боев. И фронт противника наконец не выдержал. Бойцы двух наших фронтов, измотанные, обожженные огнем сражения, но радостные и счастливые, встретились и обнялись.

Свершилось: группировка немецких войск в районе Сталинграда окружена.

Перед Донским и Сталинградским фронтами стояла новая задача: пленить или уничтожить окруженные войска противника. Но то, что ликвидацию «котла» поручили двум фронтам, не давало возможности четко организовать боевые действия, быстро и целеустремленно ими руководить. Понимая это, Константин Рокоссовский по ВЧ обратился к Верховному Главнокомандующему:

— Ликвидацию окруженной группировки немцев следует поручить одному фронту.

Государственный Комитет Обороны обсудил это предложение и постановил поручить эту важную боевую задачу Донскому фронту. Его усилили тремя прославившимися в Сталинграде армиями: 57-й — под командованием

Ф. И. Толбухина, 64-й — под командованием М. С. Шумилова и 62-й — под командованием В. И. Чуйкова.

Верный своему правилу, Рокоссовский начал подготовку к решающим боям с личного знакомства с новыми соединениями. Побывал у Ф. И. Толбухина, у М. С. Шумилова. Осталось посетить армию генерала В. И. Чуйкова.

Константин Константинович знал, в каких тяжелых условиях ведет борьбу с врагом 62-я армия под командованием генерала Василия Ивановича Чуйкова. Уцепившись за обрывистый, весь в руинах, изрытый воронками берег Волги, на узкой полосе в полтора километра под непрерывным — днем и ночью — артиллерийским, минометным, пулеметным огнем врага сражались гвардейцы Чуйкова. Стояли насмерть!

Но одно дело — донесения, рапорты, рассказы, а другое — увидеть все своими глазами. Константин Константинович Рокоссовский решил побывать и на этом обожженном огнем клочке русской земли на берегу Волги.

На восточный берег переправились в районе Дубовки. Спустились на юг и оказались прямо перед городом. На огромном пространстве западного берега Волги чернели бесконечные руины разрушенного города. Чадили пожарища, грязно-рыжими клубами пыли и дыма взбухали разрывы снарядов и мин. Доносилась нестихающая пулеметная и автоматная стрельба.

Члены Военного совета фронта во главе с Рокоссовским пешком по льду двинулись в Сталинград. Волжский лед, продырявленный снарядами и минами, тускло поблескивал полыньями. Пришлось взять с собой веревки и доски.

Вражеские артиллеристы заметили на реке группу смельчаков и начали соревноваться в меткости наводки. Но снаряды падали то с перелетом, то в строне. Проводник каким-то чутьем угадывал, где приводнится снаряд, и уводил группу в безопасном направлении.

Добрались благополучно. У самой реки, в обрывистом ее берегу, увидели вырытые землянки, блиндажи. Здесь, на переднем крае обороны, в 150—200 метрах от противника, и находился штаб 62-й армии.

С Василием Ивановичем Чуйковым встретились дружески, сердечно. В землянке командующего армией Рокоссовский сел на земляной стул, положил руки на земляной стол. Огляделся.

— Богато живете!

Рядом резко рвались мины, отрывисто и сердито стучал пулемет. Где-то недалеко горела нефть, и тяжелый дым заползал под брезент, заменявший дверь в землянку.

Выслушав доклад командующего армией, сделав необходимые распоряжения, командующий фронтом перешел к главному — поставил перед 62-й основную задачу: активными действиями с востока отвлекать на себя больше сил противника. Помнить: враг может попытаться по замерзшей реке вырваться из окружения. Словом, нужно еще одно напряжение всех сил.

Командующий армией сказал твердо:

— Выстоим. Не пропустим.

А в то время, когда командующий фронтом беседовал с командующим армией, «солдатский телеграф» передал по всему краю обороны:

— Рокоссовский прибыл!

Солдаты-сталинградцы знали это имя. Оно не сходило со страниц дивизионных и центральных газет, доносилось из репродукторов. Среди защитников Сталинграда было много воинов, участвовавших в Смоленском сражении, в битве под Москвой. Они хорошо знали Рокоссовского. И то, что Рокоссовский здесь, рядом, на сталинградской земле, радовало, вселяло надежду:

— Скоро разобьем гитлеровцев под Сталинградом.

С неудержимой силой сжималось кольцо вокруг окруженной более чем 300-тысячной немецкой армии. С каждым днем оно было все прочней и нерасторжимей.

Немецкие солдаты под командованием генерал-полковника Паулюса, отчаянно сопротивляясь, пытались переходить в контратаки, еще надеялись вырваться из смертельной петли. Надеялись и на армию фельдмаршала Манштейна, бросившегося им на выручку.

Напрасно!

Споткнулся Манштейн о железный заслон наших войск, попятился под ударами 2-й гвардейской армии под командованием Р. Я. Малиновского. Надеяться больше было не на кого. У окруженной вражеской группировки осталось только два выхода: смерть или плен. В тотальной войне, развязанной фашистами, войне, по безумному плану Гитлера направленной на уничтожение стран и народов, горькая чаша поражения досталась огромной массе вражеских войск.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, получив одобрение Ставки, послали командующему 6-й германской армией генерал-полковнику Паулюсу, его заместителю и всему офицерскому и рядовому составу окруженных германских войск под Сталинградом ультиматум. Подчеркнув всю безнадежность, в которой оказались окруженные немецко-фашистские войска, Воронов и Рокоссовский, во избежание напрасного кровопролития, предложили следующие условия капитуляции:

«Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии».

Всем прекратившим сопротивление офицерам и солдатам была гарантирована жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну.

У всего личного состава сдавшихся войск сохранялась военная форма, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а у высшего офицерского состава и холодное оружие.

Всем сдавшимся в плен офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно должно было быть установлено нормальное питание, больным, раненым и обмороженным оказана медицинская помощь.

Командующему немецко-фашистскими войсками под Сталинградом Паулюсу, ставшему к тому времени фельдмаршалом, и его генералам предоставлялась последняя возможность предотвратить катастрофу, нависшую над немецкими войсками.

Но этот гуманный акт не увенчался успехом. Советские парламентарии, двигавшиеся к немецким позициям под громкие звуки труб и с развернутым белым флагом, были встречены ружейным и пулеметным огнем. Покорные сущасбродной воле Гитлера, веря его невыполнимым обещаниям, фашистские генералы отвергли ультиматум.

Советскому командованию оставалось только одно — применить силу.

10 января снова грянул грозный артиллерийский гром. Начался штурм.

Целый час наши орудия, минометы, гвардейские реактивные установки сокрушали оборону противника. Потом за огненным валом двинулись танки, пехота. В небе волна за волной летели наши бомбардировщики и штурмовики.

Немецкое командование вводило в бой последние резервы. Враг бросался в контратаки. Неожиданно оживали, казалось, уже испепеленные огневые точки. Сопrotивление их было ожесточенным. Командующий фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский в течение одного дня на НП 65-й армии несколько раз попадал под минометный и пулеметный огонь врага.

Но уже ничто не могло спасти гитлеровцев. Наступление советских войск продолжалось днем и ночью. Взламывался оборонительный пояс врага, взлетали на воздух мощные укрепления: дзоты, бронеколпаки, врытые в землю танки.

В открытой всем ветрам степи, на жгучем январском морозе бойцы расчищали минные поля, делали проходы в густой сети колючей проволоки.

Каждый день, каждый час приближали неминуемый конец гитлеровской группировки на нашем волжском берегу.

И наступил день, когда последний вражеский солдат сложил оружие.

За время ликвидации «котла» войска Донского фронта взяли в плен свыше 90 тысяч солдат и офицеров противника. Было захвачено 5762 орудия, свыше 3 тысяч минометов, свыше 12 тысяч пулеметов, 156 987 винтовок, свыше 10 тысяч автоматов, 744 самолета, 1666 танков...

В плену оказались 24 генерала, в том числе и фельдмаршал Паулюс со своим штабом.

Великая битва на Волге закончилась.

В тот день командующему доложили о только что полученной телеграмме. Это был приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта:

«Представителю Ставки Верховного Главнокомандования маршалу артиллерии тов. Воронову.

Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику тов. Рокоссовскому.

Поздравляю Вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

Верховный Главнокомандующий И. Сталин».

История переворачивала одну из самых памятных и славных своих страниц. Война еще продолжалась, еще были впереди грозные, требующие напряжения всех сил сражения, но исход навязанной нам войны уже был предрешен. Еще никто с достоверностью не мог сказать, сколько недель, месяцев или лет будет продолжаться Великая Отечественная война. Но все мы — солдаты и генералы, рабочие и колхозники — весь наш народ твердо знал: начинают сбываться вещие слова, сказанные в первые дни войны:

— Наше дело правое, победа будет за нами!

12

Еще не остыли руины Сталинграда, еще уныло брели по заснеженным приволжским степям бесконечные колонны пленных немцев, еще не пришли в себя гитлеровские главари после разгрома на Волге, а генерал Константин Константинович Рокоссовский — теперь командующий войсками Центрального фронта — готовился к новым боям с фашистскими захватчиками.

Причудливо выглядела весной сорок третьего года линия фронта, проходившая возле Орла и Харькова. На юго-востоке от Орла и на северо-востоке от Харькова оказались грозные выступы, на которых сосредоточились крупные соединения немецко-фашистских войск. А наши армии

выдвинулись из района Курска почти на 200 километров на запад. Образовалась огромная дуга, названная впоследствии Курской.

В центре этой дуги сосредоточились войска фронта, названного Центральным.

Какие боевые действия могут предпринять немецко-фашистские войска весной или в начале лета сорок третьего года? На каком участке огромного фронта враг попытается нанести нам удар, чтобы реабилитировать себя после тяжелого поражения на Волге и по возможности изменить ход войны?

Такие вопросы стояли перед Ставкой Верховного Главнокомандования, над такими вопросами ломали голову работники нашего Генерального штаба.

Вот что рассказывает в своих воспоминаниях «Дело всей жизни» начальник Генерального штаба в годы Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза А. М. Василевский:

«Советской военной разведке удалось своевременно вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению на Курской дуге и даже установить его дату... Были внимательнейшим образом проанализированы все возможности, изучены все варианты действий. Принять единственно правильное решение помог коллективный разум, творческий труд опытных, умудренных двумя годами войны военачальников и штабов, от фронтовой ступени до Верховного Главнокомандования...

Трудно описать весь круг крупных мероприятий, которые были проведены ГКО, Ставкой, Генеральным штабом и управлениями Наркомата обороны в ходе подготовки к битве на Курской дуге. Это была поистине титаническая государственная работа. Она, в частности, включала в себя такие мероприятия, как создание многополосной обороны на курском направлении общей глубиной в 250—300 километров, выдвижение в район восточнее Курска мощ-

ного стратегического резерва Ставки — Степного фронта; осуществление крупнейшего за все время войны сосредоточения у Курска материальных средств и войск; организация специальных воздушных операций по нарушению вражеских коммуникаций и завоеванию господства в воздухе; активизация действий партизан с целью осуществления массовых диверсий в тылу врага и получения важнейших разведывательных данных; проведение большого комплекса мероприятий по политическому обеспечению предстоящих действий Красной Армии.

В середине апреля Ставка через Генеральный штаб и руководящий состав Наркомата обороны проверила на местах подготовку к летней кампании на фронтах курского направления.

...Серьезно относилось руководство страны к проблеме планирования и обеспечения преднамеренной обороны. Даже если бы враг прорвался (что ему не удалось), он встретил бы на своем пути не оперативный простор, а труднопреодолимые преграды и крупные войсковые заслоны».

В разработке операции на Курской дуге принял деятельное участие и командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский. Изучив сложившуюся на участке фронта обстановку, он по запросу Ставки написал служебную записку, в которой высказал свои соображения о возможном ходе военных действий летом сорок третьего года. В своей записке он указывал, что наиболее вероятным участком фронта, где гитлеровцы могут развернуть летнее наступление, без сомнения, является Курская дуга. Именно здесь Гитлер сможет попытаться нанести советским войскам решающий удар, сделать то, что ему не удалось под Москвой и под Сталинградом. Рокоссовский отмечал, что наша разведка добывает несомненные факты, говорящие об усиленной переброске вражеских войск в район Белгорода и Орла. Вот почему, по мне-

нию Рокоссовского, следует быстро создать сильные резервы наших войск, расположив их восточнее Курской дуги. Они помогут отразить любой удар немецко-фашистских войск.

Спустя несколько недель в тылу Центрального и Воронежского фронтов был создан новый, Резервный фронт.

Вражеская группировка на Орловском выступе тяжелой угрозой висела над нашими войсками. Здесь надо было создать наибольшую плотность обороняющихся дивизий, сосредоточить фронтовые резервы. Но в этом был и риск: вдруг гитлеровцы ударят не с выступа, а где-нибудь, скажем, в середине дуги, где наша оборона будет ослаблена — ведь нельзя быть одинаково сильным на всех участках фронта!..

Генерал армии К. К. Рокоссовский предложил сосредоточить главные силы фронта против Орловского выступа. Не может быть, чтобы противник избрал другое направление главного удара — уж слишком оно выгодно и заманчиво.

Но сомнения все же были. А если враг догадается о контрмерах, прорвет на дуге тонкую цепочку наших войск, выйдет в тылы? Рухнет тогда вся оборона. Снова перед врагом откроется путь на Москву.

Да, риск велик. Но по-прежнему разведка и партизаны доносят, что именно у Орла гитлеровцы сосредоточивают свои главные силы.

Впервые за всю войну наши войска с таким напряжением создавали оборонительный пояс. Оборона была эшелонированной, глубокой. Были созданы шесть основных оборонительных полос, построены промежуточные рубежи и отсечные позиции, которые протянулись на сотни километров. К круговой обороне подготовили все батальонные узлы сопротивления.

О масштабах этой работы говорят такие цифры. За три месяца на участке обороны фронта открыли 5 тысяч кило-

метров траншей и ходов сообщения, установили 400 тысяч мин и фугасов.

Учитывая, что немцы обычно наносят при наступлении массированный танковый удар, в обороне наших войск были мощные противотанковые рубежи, минные поля, надолбы, лесные завалы. На 30—35 километров в глубину простиралась полоса противотанковой обороны.

К борьбе с вражескими танками было решено привлечь «катюши». Создали подвижные отряды заграждения, артиллерийские противотанковые резервы.

Вместе с войсками Воронежского, Центрального, Западного, Брянского фронтов, Степного военного округа немалую долю в сооружение обороны внесло население прифронтовых районов Курской, Орловской, Воронежской и Харьковской областей.

К началу июля советские войска всесторонне подготовились к предстоящему сражению.

К отражению удара врага готовились стрелки, артиллеристы, авиаторы, готовились командиры и политработники.

Командующий Центральным фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский ежедневно выезжал в войска, осматривал укрепления, давал указания, беседовал с солдатами.

Фронт приготовился. Ждал. Все тревожней и тревожней на душе у командующего. Вот и Ставка в который раз предупреждает:

— Скоро. Не прозевайте!

В ночь на 5 июля советским разведчикам удалось захватить вражеского сапера. «Язык» рассказал, что им вечером зачитали приказ фюрера о наступлении. Так был установлен точно не только день, но и час вражеского наступления: 5 июля в 3.00.

На часах — 2.20.

Командующий Центральным фронтом приказал спокойным, пожалуй, даже веселым голосом:

— Открыть огонь!

Радостно и победоносно грянули тысячи артиллерийских орудий. Смертоносный вихрь из огня и металла нежданно-негаданно ударил по вражеским войскам, приготовившимся к наступлению, ждавшим последнего сигнала.

В обстановке величайшей секретности гитлеровские генералы несколько месяцев готовили наступление на Курский выступ. Разрабатывали подробные планы, с Западного фронта гнали на восток бесконечные железнодорожные составы с солдатами, подтягивали лучшую технику. Наметили день и час наступления. С хваленой немецкой основательностью и педантизмом все предусмотрели, учли, взвесили.

Заранее ликовали: вот когда они отомстят и за Москву, и за Сталинград. И вдруг за считанные минуты до условленного часа советские войска открыли артиллерийский огонь...

Гитлеровским генералам потребовалось несколько часов, чтобы оправиться от шока. Сомнения и колебания охватили их. Но огромная машина наступления уже запущена, пришла в движение, нет возможности ее остановить.

Гитлеровские войска начали наступление. Но уже не было ни внезапности, ни согласованности частей, ни боевого подъема, ни уверенности в победном исходе сражения. Не начатое еще сражение уже таило в себе ядро будущего неизбежного поражения.

Шесть дней немецкие войска обрабатывали глубокую оборону наших войск. Неистовствовала, ревела охрипшими глотками артиллерия, рвали воздух над полем боя самолеты, нахрапом лезли «тигры» и «фердинанды». По насыщенности техникой, интенсивности действий войск Курская битва не имела себе равных. Шесть дней непрерывных боев. Кое-где противнику ценой невероятных усилий удалось на несколько километров вклиниться в нашу оборону.

Стойко выдержав удар гитлеровцев, наши войска перешли в контрнаступление. Двадцать две общевойсковые, пять танковых, шесть воздушных советских армий двинулись на врага.

Грандиозная битва завершилась полной победой советских войск. Тяжелый урон понесла армия врага. Более полумиллиона солдат и офицеров, многие тысячи танков и самолетов остались на орловских и курских полях.

Гитлеровская военная машина, гитлеровская армия сделала еще один шаг к пропасти.

В приказе генерал-полковнику Попову, генерал-полковнику Соколовскому, генералу армии Рокоссовскому, генералу армии Ватутину, генерал-полковнику Коневу Верховный Главнокомандующий указал, что наши войска, заняв Орел и Белгород, тем самым разоблачили легенду немцев о том, будто бы Красная Армия не в состоянии вести летом успешное наступление.

Отличившиеся дивизии получили наименование Орловских и Белгородских.

Всем участвовавшим в боях воинам была объявлена благодарность.

В то лето Москва еще жила суровой военной жизнью. Маскировочные шторы затянули ее окна, приглушены, синей краской покрашены фары машин, потушены уличные фонари. Но вот 5 августа 1943 года в московское небо взметнулись залпы артиллерийского салюта — в честь победы под Орлом и Белгородом.

13

«Багратион». Такое кодовое название присвоила Ставка Верховного Главнокомандования плану наступательных боев в Белоруссии летом сорок четвертого года. Четыре фронта — 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский, 2-й Бе-

лорусский и 1-й Белорусский — должны были участвовать в этой операции.

Командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии Константин Константинович Рокоссовский, тщательно изучив условия местности — Полесские болота, взвесив все силы и возможности, посоветовавшись с ближайшими соратниками, разработал план нанесения удара по врагу в направлении на Бобруйск и Слуцк.

Вот как вспоминал он об этих днях много лет спустя:

«Мы готовились к боям тщательно. Составлению плана предшествовала большая работа на местности, в особенности на переднем крае. Приходилось в буквальном смысле слова ползать на животе. Изучение местности и состояния вражеской обороны убедило в том, что на правом крыле фронта целесообразно нанести два удара с разных участков: один — силами 3-й и 48-й армий из района Рогачева на Бобруйск, Осиповичи, другой — силами 65-й и 28-й армий из района нижнее течение Березины, Озаричи в общем направлении на Слуцк... Принимая несколько необычное решение, мы шли на известное распыление сил, но в болотах Полесья другого выхода, а вернее сказать — другого пути к успеху операции у нас не было».

Вернувшись из Москвы после утверждения плана операции, Рокоссовский с вдохновением начал готовиться к грядущим боям. Слишком много они означали для быстрого завершения войны. И кроме всего прочего, подвергались испытанию его полководческая зрелость, прозорливость, воинское мастерство.

Трудно перечислить все, что приходилось решать в те дни командующему фронтом. Надо обеспечить быструю переправу войск через многочисленные реки и речушки, проложить десятки километров дорог, наладить скрытный подвоз техники, боеприпасов, продовольствия, неустанно готовить штабы всех степеней, регулярно проводить войсковую и воздушную разведку, установить надежную

связь с партизанами, быстро обучить прибывающее пополнение. Ни на минуту нельзя было забывать о бесперебойной связи с соединениями и частями. Надо было сооружать ложные переправы и дороги...

Казалось, и за год не сделать всего того, что надо сделать в считанные дни для успешного наступления!

Ранним утром 24 июня 1944 года небо над белорусской землей потряс громовой удар. Тысячи артиллерийских орудий, сотни бомбардировщиков обрушили на передовые позиции гитлеровцев удар огромной силы. Шестьдесят минут снаряды и бомбы взрывали вражеские доты и траншеи, громили переправы, мосты, штабы...

В 6.00 вперед рванулись танки и самоходки, поднялась в атаку пехота.

Началась операция «Багратион».

Гитлеровцы сопротивлялись упорно, ожесточенно, пытались переходить в контратаки, бросали в бой все резервы. Напрасно! Сокрушительные удары четырех наших фронтов сломили их сопротивление. Армии четырех фронтов устремились вперед.

Прорвав оборону врага, выйдя на оперативный простор, войска Константина Рокоссовского начали с боями освобождать города и села Белоруссии.

К этим дням относится и небольшой эпизод, о котором спустя почти 35 лет написал автору этих строк бывший командир орудия одного артдивизиона 38-й гвардейской Лозовской Краснознаменной стрелковой дивизии Александр Алексеевич Дмитриев.

В конце июля перебросили их дивизию под Брест. Задача одна: вместе с другими частями Красной Армии освободить город.

К рассвету успели отрыть огневые. Прилегли. Растолкал Дмитриева его друг наводчик Давычин и сказал, что на позиции соседнего орудия находится Рокоссовский.

«Я побежал к соседям,— вспоминает А. А. Дмитриев,— но уже не застал командующего. Командир орудия Виктор Галицкий рассказал:

— Подошел ко мне военный, с меня ростом, веселый, улыбчивый. Рокоссовский! Я доложил ему по форме.

— Здравствуйте, товарищ старший сержант. Видно, хорошо воюете, вон сколько у вас наград. А все же, за что вы получили орден Отечественной войны второй степени?

— За четыре вражеских танка, уничтоженных в одном бою.

— А эти две звезды солдатской Славы?

Рассказал я Рокоссовскому обо всех боях, в которых участвовал. Подумал он и говорит:

— Все же скуповато вас награждали, товарищ старший сержант. Вот освободим Брест — получите орден Красного Знамени.— И добавил с улыбкой: — Вы курите?

Я возьми и брякни:

— Что у вас, товарищ маршал, махорочка заимелась? Засмеялся Рокоссовский:

— Нет, махорка не водится. А папиросы есть,— и протянул мне раскрытый портсигар.

Я взял одну папироску — и за ухо. Потом взял вторую.

— Что это, про запас? — спросил маршал.

— Нет. Первая моему другу из другого расчета, а эту мы все вместе выкурим,— объяснил я.

— Молодец, товарищ старший сержант. О друге надо всегда заботиться прежде, чем о себе.

И маршал ушел, откозыряв.

После освобождения Бреста Виктор Галицкий получил орден Красного Знамени».

Дорог воину боевой орден, полученный за самоотверженное сражение с врагом. Но еще дороже ему верное слово командующего: пообещал — выполнил.

Дороги на запад. Они еще дымятся от разрывов бомб и снарядов, от тяжелой поступи танков, от сапог царицы полей — пехоты.

1-й Белорусский фронт, взаимодействуя с тремя другими, ломал сопротивление врага, очищал белорусскую землю от ненавистных оккупантов. По 10, 20, по 30 километров делали войска в сутки.

Уже в первые дни наступления передовые части фронта вышли к Березине в районе Свислочи. Танковые танки рвали вражеский фронт, штурмовики и бомбардировщики громили вражеские тылы, реактивные минометы сметали с лица советской земли фашистскую нечисть.

Вот краткий календарь побед войск Константина Рокоссовского в летние дни сорок четвертого года на белорусской и польской земле:

29 июня. Войска 1-го Белорусского фронта после ожесточенных боев овладели городом Бобруйском.

3 июля. Гвардейцы-танкисты на рассвете ворвались в столицу Советской Белоруссии. В напряженном городском бою наши войска разгромили противника и к вечеру полностью освободили Минск. Восточнее Минска оказались отрезанными от путей отхода 12, 27, 35-й армейские, 39-й и 41-й танковые корпуса врага. В кольцо попало более 100 тысяч солдат и офицеров противника.

8 июля. В результате стремительного удара освобожден город Барановичи.

20 июля. Ударные группировки левого крыла фронта вышли на Западный Буг. Форсировав в трех местах реку, наши войска вступили на территорию Польши.

Началось освобождение польской земли от немецко-фашистских захватчиков.

22 июля. Войска фронта освободили польские города Хелм и Влодава.

23 июля. Знаменательный день. Освобожден город Люблин. В городе начало работать временное правительство Польши (Польский комитет национального освобождения), которому предстояло восстановить польское государство и совместно с Красной Армией продолжать борьбу против гитлеровских оккупантов.

25 июля. Наши танкисты вышли к Висле в районе Демблина.

В этих боях плечом к плечу с советскими войсками мужественно сражались с врагом и воины 1-й польской армии.

Почти на 500 километров переместилась линия фронта на западном стратегическом направлении. Приближался окончательный разгром фашистской Германии.

15

Миновало еще одно лето войны. В жарких боях, в напряженной борьбе достигались победы над противником, ожесточенно оборонявшимся и все-таки вынужденным отступить, приближаться к границам рейха.

В начале сентября 1944 года войска 1-го Белорусского фронта вели ожесточенные затяжные бои на польской земле. Войскам 65-й и 70-й армий удалось в двух местах форсировать Нарев и захватить плацдармы, которые противник пытался во что бы то ни стало ликвидировать.

Рокоссовский принимал меры для усиления ударных группировок — перебрасывал на это направление все, что можно было взять с других участков фронта,

14 сентября советские войска вплотную подошли к восточному берегу Вислы.

Рокоссовский медленно поднялся по металлической лестнице на верхушку высокой заводской трубы, где был оборудован артиллерийский наблюдательный пункт.

Моросил мелкий, по-осеннему противный дождь. Сырой ветер зло бил по лицу. Вздрагивала и слегка покачивалась труба.

Но Рокоссовский ничего не замечал: ни дождя, ни ветра, ни покачивания трубы. Он стоял молча, крепко, до боли, прижав к лицу артиллерийский бинокль. И смотрел, смотрел...

Там, за свинцово-темной Вислой, лежала земля его детства, отрочества, юности. Мальчишкой бродил он по этой земле, замирал у ее святынь, добывал себе хлеб нелегким трудом каменотеса. Отсюда ушел на первую в своей жизни войну. И тогда он, лихой драгун 5-го Каргопольского полка, воевал с германцем.

За незаурядную храбрость, воинскую смекалку получил он в той первой своей войне первую награду — Георгиевский крест. За годы первой мировой войны он трижды удостоивался Георгиевской медали — знатным был кавалеристом...

Октябрь семнадцатого круто изменил жизнь. В горячее, неистовое время выбрал единственно приемлемый путь — служение народу. Бывший драгун Константин Рокоссовский — боец-красногвардеец. На всю жизнь встал он на прямой и честный путь — путь, по которому вела наш народ ленинская партия большевиков. По воле красных конников Константин Рокоссовский становится помощником командира Каргопольского красногвардейского отряда.

Так началась его славная и нелегкая воинская судьба.

Год восемнадцатый, год девятнадцатый, год двадцатый...

Шла война. Но это была уже другая война — война за счастливую жизнь трудового народа, война за Советскую власть.

Из боя в бой, от одной схватки с врагами Советской власти до другой крепло в эти огненные годы воинское мастерство красного кавалериста. За умелое командование, за мужество и отвагу Советское правительство дважды награждает Константина Рокоссовского орденом Красного Знамени.

В разгар гражданской войны его принимают в члены ленинской партии. В тот день Рокоссовский сказал:

— Отдам все силы, а если понадобится, то и жизнь за дело партии, за нашу Советскую власть.

Прошли годы. Канули в небытие и Деникин, и Колчак, и Юденич. Сгинули с советской земли казачьи атаманы, кулацкие банды, убрались восвояси охотники до чужого добра — интервенты.

Но черное воронье по ту сторону границы не успокоилось, ждало часа, чтобы напасть на первую в мире страну социализма. Значит, надо держать порох сухим. Надо быть готовыми к обороне, к охране великих завоеваний Октября.

Партия и Советское правительство ни на минуту не забывали этой задачи. Стоявшая на защите мирных наших границ Красная Армия нуждалась в хорошо подготовленных, овладевших военной наукой командных кадрах.

И Советское правительство начинает готовить такие кадры. В числе талантливых, проявивших себя в боях с врагами Советской страны красных командиров был и К. К. Рокоссовский. Курсы усовершенствования кавалерийских командиров в Ленинграде, курсы усовершенствования высшего начальствующего состава в академии в Москве.

Он учится настойчиво, глубоко овладевая знаниями, постоянно развивающейся военной наукой.

Но долго учиться не пришлось. Осенью 1929 года китайские милитаристы развязали конфликт на КВЖД. Во главе своих конников К. К. Рокоссовский с честью выполняет

приказ Родины — громит белокуитайских провокаторов. За выдающиеся боевые успехи Советское правительство награждает его третьим орденом Красного Знамени.

Продолжается мирная созидательная жизнь в нашей стране. Советский народ строит новые заводы и фабрики, прокладывает каналы, возводит плотины, выращивает хлеб. На страже его труда стоит Красная Армия. В те годы Константин Константинович Рокоссовский командовал 7-й Самарской имени английского пролетариата кавалерийской дивизией, 15-й кавалерийской дивизией, 5-м кавалерийским корпусом...

Он готовил своих бойцов к возможным боям, отдавал делу боевой подготовки все свои знания, весь свой опыт военачальника.

Как свидетельство его заслуг по укреплению обороноспособности Красной Армии на его груди в ряду трех боевых орденов Красного Знамени загорается четвертый — орден Ленина.

А потом началась его третья война. Великая Отечественная война советского народа. Полной чашей испил он за истекшие годы войны горечь многих боев, радость достигнутых побед...

Наступил март 1945 года. Гданьск, старый польский город на Балтике, гитлеровцы превратили в крепость, тщательно подготовились к его защите. Грозные форты своими орудиями обстреливали всю местность. Перед старым крепостным валом был создан современный пояс укреплений. Железобетонные и камнебетонные доты охраняли все подступы к городу. Крейсера, миноносцы и другие корабли защищали Гданьск с моря. А в самом городе — десятки тысяч войск с танками, самоходными орудиями, с артиллерией и минометами.

Бои, начавшиеся в начале марта, были ожесточенные. Наши войска ломали сопротивление врага, прорывали одну за другой его укрепленные линии.

Осуществлялась очередная операция, тщательно и глубоко разработанная штабом фронта.

Уплотнялись боевые порядки первых эшелонов: поредевшие в предыдущих тяжелых боях дивизии нуждались в этом для наращивания удара.

В полную силу работали сотрудники политуправления фронта. В предстоящих боях, как, впрочем, и во всех предшествовавших, очень многое зависело от наступательного порыва войск, от того, насколько четко знал каждый солдат свою боевую задачу и был готов к ее выполнению.

Почти не отрываясь от танкистов 3-го гвардейского танкового корпуса, наступали на левом крыле фронта стрелковые части 19-й армии. Хорошо помогали наземным войскам летчики 4-й воздушной армии — они наносили удары по врагу, вели непрерывную разведку, информируя о своих наблюдениях штаб фронта и войска. Мужественные летчицы авиаполка ночных бомбардировщиков под командованием Е. Д. Бершанской бесстрашно бомбили скопления вражеских войск.

Но на правом фланге положение оставалось сложным. Войска 2-й ударной армии под командованием генерал-полковника И. И. Федюнинского и 65-й армии, возглавляемой генерал-полковником П. И. Батовым, с большими усилиями отвоевывали каждый километр территории.

Штаб фронта нацеливает на трудный участок танковые войска. Удар танковых соединений и стрелковых частей завершился успешно: вражеский оборонительный рубеж на линии Цукау — Шмользин был прорван с ходу.

Но преодоление оборонительных рубежей — это только часть операции. После нее предстоял штурм мощных укрепленных районов Гдыни и Гданьска.

Командующий фронтом решил не давать противнику времени на организацию обороны и сразу же после прорыва оборонительных рубежей начать штурм укреплений.

Основной удар нацелен по центру обороны противни-

ка — на Цоппот. Создана специальная группа дальнобойной артиллерии для борьбы с вражескими кораблями. По ним сосредоточили свой огонь бомбардировщики и штурмовики 4-й воздушной армии, под огнем которых гитлеровские крейсеры и миноносцы поспешно покинули бухту.

Танкисты непосредственно поддерживали пехоту. Летчики сопровождали наступавших, прикрывая пехоту, штурмуя войска противника, контролируя его аэродромы.

Вместе с пехотой шли и инженерные войска, всеми средствами поддерживая атакующих.

Штурм, начавшийся 14 марта, был тяжелым. Несмотря на мужество и бесстрашие, штурмовые группы продвигались медленно.

Командование фронтом снова и снова напоминает командирам и политработникам: беречь людей, побеждать не кровью, а умением!..

Немало смекалки и воинской хитрости проявили бойцы в тех ожесточенных боях. Особый восторг вызывали у солдат катапульты, изобретенные саперами: с их помощью к фашистам летели их собственные тяжелые снаряды, захваченные на гитлеровских складах.

28 марта Гдыня была освобождена советскими войсками. Части и соединения 2-й ударной и 65-й армий вплотную подступили к Гданьску. Положение окруженных фашистских войск стало безнадежным.

Маршал Рокоссовский, как в свое время под Сталинградом, направляет вражеским войскам ультиматум:

«Генералы, офицеры и солдаты 2-й немецкой армии!

...Гарнизоны Данцига и Гдыни изолированы друг от друга.

...Железное кольцо моих войск все тесней сжимается вокруг вас.

Ваше сопротивление в этих условиях бессмысленно и приведет лишь к вашей гибели и к гибели сотен тысяч женщин, детей и стариков.

Я предлагаю вам:

1. Немедленно прекратить сопротивление и с белыми флагами в одиночку, отделениями, взводами, ротами, батальонами и полками сдаться в плен.

2. Всем сдавшимся в плен я гарантирую жизнь и сохранение личной собственности...

Вся ответственность за гибель гражданского населения падет на ваши головы.

Командующий войсками 2-го Белорусского фронта
Маршал Советского Союза К. Рокоссовский».

Ответа на это предложение не последовало.

Рокоссовский отдал приказ:

— Начать штурм!

С трех сторон ринулись войска фронта на осажденный город. 30 марта Гданьск был полностью освобожден.

В тот же день по радио прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего:

«Войска 2-го Белорусского фронта завершили разгром данцигской группы немцев и сегодня, 30 марта, штурмом овладели городом и крепостью Гданьск (Данциг) — важнейшим портом и первоклассной военно-морской базой немцев на Балтийском море.

Над Гданьском поднят национальный флаг польского государства.

В боях за город Гданьск войска фронта взяли в плен 10 000 немецких солдат и офицеров, а также захватили танков и самоходных орудий 140, полевых орудий 358, подводных лодок 45 и много другого вооружения и военного имущества».

Одержана еще одна важная победа. Двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий салютовала Москва войскам маршала Рокоссовского.

Война шла к концу.

Но еще сохраняла свою боеспособность фашистская армия. Гитлеровские главари еще надеялись задержать движение наших войск к Берлину. Только на одном берлинском направлении немецкое командование сосредоточило более миллиона солдат.

Десятки тысяч орудий и минометов, свыше трех тысяч самолетов, полторы тысячи танков были брошены сюда, чтобы любой ценой остановить победное наступление Советской Армии.

Три советских фронта: 1-й Белорусский под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, 2-й Белорусский под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского и 1-й Украинский под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева — готовились к последним, завершающим боям Отечественной войны, к полному разгрому гитлеровских войск.

Три маршала, сознавая свою личную ответственность перед народом, перед партией, перед историей, делали все, чтобы 2,5 миллиона подчиненных им советских воинов нанесли последний и решительный удар по врагу, добились победы.

30 марта 1945 года в Кремле Михаил Иванович Калинин подписал Указ Президиума Верховного Совета СССР:

«За умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск — наградить орденом «Победа»

Маршала Советского Союза Конева Ивана Степановича,

Маршала Советского Союза Жукова Георгия Константиновича,

Маршала Советского Союза Рокоссовского Константина Константиновича».

Воины действующей армии прочли во фронтовых, армейских и дивизионных газетах новый указ. Прочли, естественно, новый указ и бойцы трех фронтов и единодушно решили: «Самое подходящее название у ордена — «Победа». Добьемся победы!»

В те дни гитлеровцы называли Одер «рекой немецкой судьбы». На этой реке они надеялись остановить наконец движение советских войск, перейти в наступление и изменить ход войны.

Наши солдаты называли широкий и коварный Одер иначе: «Два Днепра, а посередине Припять».

В этом названии была доля правды. Действительно, два широких русла Ост-Одера и Вест-Одера разделяла непроходимая пойма, залитая водой. А за почти шестикилометровой водной полосой высился высокий западный берег и на нем — оцетинившийся враг. Казалось, в самом деле нет таких человеческих сил, чтобы в эти весенние дни половодья под ожесточенным огнем врага, под сплошной завесой снарядов, бомб, мин, пуль преодолеть эту водную преграду.

Но войска Рокоссовского имели богатый опыт форсирования десятков больших и малых рек. Солдаты и офицеры знали, что это последние бои почти четырехлетней тяжелой войны. Они были охвачены горячим наступательным порывом, желанием добить врага в его логове, одержать долгожданную и дорогой ценой завоеванную победу.

Началась тщательная, скрытная подготовка к форсированию. По ночам подвозили к берегу реки понтоны, лодки, лесоматериалы для возведения мостов и причалов. Сколачивали плоты, накапливали боеприпасы, горючее.

Хорошо подготовившись, разведав оборону противника, войска фронта — три армии, три танковых, механизиро-

**Штаб 1-го Белорусского фронта:
командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский,
член Военного совета фронта генерал-лейтенант
К. Ф. Телегин и начальник оперативного управления
генерал-майор И. И. Бойков.
1944 год.**

**Командующий 1-м Белорусским фронтом
Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский
и представитель Ставки Верховного Главнокомандования
Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.
1944 год.**

**Военный совет 2-го Белорусского фронта.
В центре командующий фронтом Маршал Советского Союза
К. К. Рокоссовский и начальник штаба фронта
генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов.
1945 год.**

Советские войска форсируют Одер.

**К. К. Рокоссовский с женой
Юлией Петровной и дочерью Адой.
1943 год.**

**И. В. Сталин, К. К. Рокоссовский, А. М. Василевский
во время одного из военных парадов.**

ванный и кавалерийский корпуса — начали наступление. Позиции противника подверглись мощному удару нашей авиации. Под прикрытием артиллерийского огня саперы начали сплавлять понтоны, сотни лодок устремились к западному берегу. Их прикрывали дымовые завесы.

Противник ответил ожесточенным огнем артиллерии, минометов, пулеметов. Но остановить наши войска он не смог. Достигнув поймы, наши солдаты прокладывали щитовые дороги через топи, готовились к следующему прыжку.

И вот передовые подразделения достигли западного берега, захватили на нем плацдарм. Бои шли непрерывно, ни на минуту не стихая. С каждым часом все расширялся плацдарм, все новые и новые наши подразделения перебирались на западный берег реки. А когда саперам, работавшим в ледяной воде, удалось навести мост, по нему рванулась наша тяжелая боевая техника. Рушилась оборона противника. Началось непреодолимое победоносное движение войск фронта вперед.

Весенняя Москва в эти дни почти каждый вечер салютует в честь наших доблестных войск. Салютует из двухсот двадцати четырех орудий двадцатью артиллерийскими залпами. Салютует двенадцатью залпами из ста двадцати четырех орудий.

И часто в приказах Верховного Главнокомандующего называется фамилия маршала Рокоссовского:

Войска маршала Рокоссовского форсировали восточный и западный Одер, овладели Штеттином, заняли города Гартц, Пенкун, Казеков, Шведт.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели городами Пренцлау, Ангермюнде.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели городами Эггезин, Торгелов, Пазевальк, Штрасбург, Темплин.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели городами Анклам, Фридланд, Нойбранденбург, Лихен.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели городами Грайфсвальд, Трептов, Нойштрелитц, Фюрстенберг, Гранзее.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели городами Штральзунд, Гриммен, Деммин, Мальхин, Варен, Везенберг.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели городами Росток, Варнемюнде, Рибнитц, Марлов, Лааге, Тетеров, Миров.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели городами Барт, Бад-Доберан, Нойбуков, Варин, Виттенберг.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского овладели Свинемюнде.

Салют!

Войска маршала Рокоссовского форсировали пролив Штральзундерфарвассер, заняли города Берген, Гарц, Путбус, Засснитц, овладели островом Рюген.

Салют!

Уже танкисты 3-го гвардейского танкового корпуса жмут руки английским солдатам в районе Висмара.

Уже конники 3-го гвардейского кавалерийского корпуса поят своих коней из Эльбы.

Овладев островами Волин, Узедом и Рюген, части 2-го Белорусского фронта закончили наступательные операции.

Войска Жукова, войска Конева, войска Рокоссовского выполнили поставленную перед ними задачу — добились врага в его логове.

Пройдет всего несколько дней, и командование фашистских войск подпишет акт о безоговорочной капитуляции.

Война в Европе закончилась. Почти четыре года шли советские воины к этой победе. Шли по снегам Подмосковья, по украинским степям, сквозь леса и болота Белоруссии, по разрушенным городам Прибалтики, по оскверненным врагом землям Польши...

Все советские люди праздновали эту первую ночь мира. Ярко сияли огни в окнах, сбросивших черную пелену маскировки, врезались в небо ракеты и пунктиры трассирующих автоматных и пулеметных очередей, победно гремели до утра песни.

Праздновали в эту ночь и солдаты Рокоссовского.

Он смотрел на ликующих солдат и думал:

«В тяжкий первый день войны мы знали: мы победим. И победили. В самые тяжелые моменты не покидала нас вера в победу. Насмерть стояли бойцы на последних рубежах, грудью бросались на амбразуры вражеских дотов и дзотов. Слава вам, чудесные советские люди!»

17

Много приказов за четыре года войны прочитал Константин Константинович Рокоссовский. Грозных в своей железной необходимости, радостных и вдохновляющих, исполненных гордости и благодарности, приказов открытых и совершенно секретных.

Но этот приказ он читал с особым чувством:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк Наркомата обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому...

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин.

22 июня 1945 года».

Рокоссовский — что скрывать! — был польщен высокой честью. В этом была оценка его ратного труда.

...На тонконогом, изящном красавце, до вороного блеска отполированном таким ненужным в этот праздничный день дождем, он в свои почти 50 лет сидел по-юношески ловко и молодо.

Всю жизнь — с тех далеких лет начала первой мировой войны, когда он стал драгуном, и до сегодняшнего дня, когда выехал на Красную площадь, — лошади были его любовью.

Сколько дней, месяцев, сколько лет провел он в седле! Командовал кавалерийским эскадроном, кавалерийским полком, кавалерийской дивизией, кавалерийским корпусом...

Сегодня он будет командовать Парадом Победы.

Вся Москва в праздничном убранстве. Красная площадь и прилегающие к ней улицы и площади в строгих прямоугольниках выстроившихся войск. Торжественные минуты ожидания.

Вот на трибуну Мавзолея поднимаются руководители ленинской партии и Советского правительства. Десять часов. На белом коне из Спасских ворот выезжает принимающий парад Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Рокоссовский поскакал навстречу принимающему парад. Громко и радостно звучит его рапорт:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Войска действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона построены для парада...

Вот они направляются вдоль фронта застывших войск. Маршал Жуков здоровается с героями минувшей войны, поздравляет с великой победой. Радостное «ура» звучит многоголосым громом.

Солдаты, офицеры, генералы в новой парадной форме. Блестят золотом ордена, медали, нашивки... Счастливые лица! Победители! Герои!

Сводный оркестр — 1400 человек — выходит на середину площади. Ликующе поют трубы.

Из конца в конец площади прокатилась команда:

— К торжественному маршу!

Мимо Мавзолея, мимо переполненных трибун проходят сводные полки фронтов. Двигутся в том же порядке, как и воевали — от Баренцева моря до Черного моря.

Карельский фронт, за ним — Ленинградский, за ним — 1-й Прибалтийский, 3-й Белорусский...

А вот и его, Рокоссовского, фронт 2-й Белорусский. Со смешанным чувством радости, гордости и тревоги (как пройдут?) смотрит он на своих однополчан, видит знакомые, ставшие родными лица. Сколько дней и ночей они провели вместе, сколько боев, неудач и побед осталось позади... И про себя отмечает: «Хорошо идет. Молодцы!»

Фронт за фронтом, полк за полком...

Оркестр смолк. Его сменила отрывистая дробь барабанов. Подходит колонна бойцов со знаменами фашистских войск. В ожесточенных боях были захвачены эти вражеские знамена. У Мавзолея бойцы делают поворот направо, и летят на мокрые камни фашистские знамена, в том числе и личный штандарт Адольфа Гитлера. Сколько лет раз-

вевались они на всех полях Европы, наводили ужас своей призрачной непобедимостью!

Строгое, напряженное выражение на лице Рокоссовского. Глядя на груды мокрых полотниц, он с необыкновенной ясностью почувствовал: пришла полная победа. На нашей советской улице сегодня долгожданный и великий праздник!

...Спустя 20 лет в книге своих воспоминаний, которая выйдет в свет уже после его смерти, он напишет:

«Победа! Это величайшее счастье для солдата — сознание того, что ты помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Сознание того, что ты выполнил свой солдатский долг, долг тяжкий и благородный, выше которого нет ничего на земле!»

Константин Константинович Рокоссовский с честью выполнил свой солдатский, свой прекрасный долг. Трудным, долгим и счастливым был его путь на Красную площадь.

С24 Свистунов И. И.
Из боя в бой.— М.: Политиздат, 1979.— 78 с., ил.—
(Герои Советской Родины).

Эта книга посвящена дважды Герою Советского Союза Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому.

В центре внимания писателя — отдельные эпизоды из истории Великой Отечественной войны, в которых наиболее ярко проявились полководческий талант Рокоссовского, его мужество, человеческое обаяние, принципиальность и настойчивость коммуниста.

С 10604—120
079(02)—79 БЗ—13—34—1979 0505030202

63.3(2)722
9(С)27

Иван Иулианович Свистунов
ИЗ БОЯ В ВОЙ

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. Г. Беляева*
Младший редактор *А. С. Кочеткова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 1279

Сдано в набор 12.12.78. Подписано в печать 27.03.79. А 00331. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Журнальная». Печать высокая.
Условн. печ. л. 3,85. Учетно-изд. л. 3,71. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 3494.
Цена 20 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.